

Майн Рид



Жена-девочка

Томас Майн Рид
Жена-девочка

«Литео»

Майн Рид Т.

Жена-девочка / Т. Майн Рид — «Литео»,

ISBN 978-5-00-071686-1

Роман классика приключенческой литературы впервые был издан на русском языке в 2010 году. В настоящем издании книги устранены многочисленные опечатки и ошибки. Чтение этой книги станет истинным наслаждением для любителей жанра. Захватывающие приключения, неожиданные пересечения сюжетных линий, романтическая любовная история и козни авантюристов — кажется, хитросплетениям не будет конца. Только на последних страницах наступает долгожданная развязка.

ISBN 978-5-00-071686-1

© Майн Рид Т.

© Литео

Содержание

Предисловие вдовы автора	5
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	29
Глава VIII	32
Глава IX	35
Глава X	38
Глава XI	42
Глава XII	44
Глава XIII	48
Глава XIV	53
Глава XV	57
Глава XVI	60
Глава XVII	63
Глава XVIII	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Майн Рид Жена-девочка

Предисловие вдовы автора

Большинство событий, описанных в этой книге, случились в реальной жизни или были придуманы на основе жизненного опыта автора.

*Элизабет РИД.
Лондон, 1888.*

Глава I ОСТРОВ МИРА

Аквиднек¹ – остров Мира!

О Коддингтон², и вы, заседатели генерального совета! Как вы могли в погоне за модой на переименование всего, что звучит непривычно саксонскому уху, изменить это историческое, данное аборигенами название на ничего не значащее Род³?

Сказались ваша привычка все переделывать, дурновкусие и простое невежество: старый голландский штурман, давая свое название этой замечательной стране, ошибся – а вы его ошибку повторили.

У Блока, по крайней мере, была причина дать этому дивному месту такое название, и причина вполне поэтическая. Огибая Сачуест-поинт⁴, штурман созерцал величественный лес, окрашенный лучами осеннего солнца в красный цвет. Он был восхищен пурпурной листвой деревьев и алыми гирляндами ползучих растений. Перед его глазами предстали яркие утесы цвета охры. Именно поэтому в его судовом журнале появилась запись «Красный остров»!

О достойный Коддингтон, чем же вас не устроило название индейцев? Почему вы предпочли новое, данное голландцем просто по незнанию?

Я буду придерживаться старого названия – остров Мира; хотя прошли уже те времена, когда вампаноаги⁵ погружали свои бронзовые тела в спокойные воды Наррагансетта⁶, и их легкие каноэ скользили вокруг острова.

Куда ушли те времена, Аквиднек? С тех пор тебя слишком часто обжигало горячее дыхание войн. Где теперь этот девственный лес, который так радовал глаз флорентийца Верраццано⁷? Где эти величественные дубы, вязы и клены? Куда исчезли зеленые сосны и красные кедры? Где березы с их знаменитой корой, где каштаны, дающие пищу голодному путнику, где сассафрас⁸, который восстанавливает здоровье и продлевает жизнь?

Всего этого больше нет. Все это уничтожено огнем и топором безжалостного варвара – солдата.

Ты разграблен, Аквиднек, но ты по-прежнему богат. Ты по-прежнему остаешься островом Мира, колыбелью Любви; каждая пядь твоей земли освящена шагами влюбленных, каждый выступ твоих утесов помнит эту старинную историю.

* * *

Ньюпорт⁹, год 18**, разгар сезона.

¹ Аквиднек – историческое название острова Род, являющегося ныне островной частью самого маленького по площади штата США Род-Айленд (здесь и далее, если не указано иное, – примечание переводчика).

² Уильям Коддингтон – один из основателей колонии Род-Айленд в XVII веке.

³ Название Род, происходящее от нидерландского слова Roode («красный»), дано мореплавателем Адриеном Блоком.

⁴ Мыс Род-Айленда, в наше время является уникальным заповедником дикой природы.

⁵ Название индейского племени.

⁶ Наррагансетт – залив Атлантического океана, в котором и находится островная часть штата Род-Айленд.

⁷ Джованни да Верраццано (1485–1528) – итальянский мореплаватель на французской службе, который первым из европейцев проплыл вдоль восточного побережья Северной Америки вплоть до залива Наррагансетт.

⁸ Дерево семейства лавровых.

⁹ Столица Род-Айленда.

Апартаменты одной из лучших американских гостиниц – «Океанхауз» – с окнами, обращенными на запад. На третьем этаже – длинный балкон с видом на Атлантику. Океан простирается широкой голубой полосой до самого горизонта. Слева – Сачуест-поинт, справа – парк Бивертейл с маяком; а между ними – многочисленные рыболовецкие суда.

Рыболовство – главное ремесло местного населения. Вдали белеет парус корабля и вьется дым парохода – оба, очевидно, совершают рейс между двумя крупными морскими портами – Шаумутом и Манхэттеном.

Такой великолепный вид открывается из устья реки Наррагансетт. Сколько красавиц, отдыхая здесь, смотрели с этого балкона на океан своими прекрасными очами!

Но никогда еще этим видом не любовались глаза более красивые, чем глаза Джулии Гирдвуд, живущей сейчас в «Океанхаузе».

Она здесь не одна. Рядом с ней другая молодая леди, ее кузина, Корнелия Инскайп. Синеватые глаза Корнелии тоже прекрасны, но все же они уступают черным глазам Джулии, в которые просто невозможно не влюбиться.

В любовном романе Джулия была бы названа брюнеткой, а Корнелия – блондинкой. Различаются они не только цветом волос: первая высока ростом, смугла и блистает зрелой женской красотой, вторая ниже своей кузины и более юна. Джулия кажется грустной, движения ее медленны и задумчивы; в то время как Корнелия весела и жизнерадостна, она мечтает о будущем, и в ее прошлом нет ничего такого, что могло бы ее печалить.

Кузины одеты в свободные утренние халаты, на прекрасных ножках – крошечные шлепанцы, обе расположились на креслах-качалках напротив окна. Глаза девушек устремлены к морской синеве, они только что обратили внимание на пароход, который плыл в северо-восточном направлении, приближаясь к мысу Юдифь.

Выглядит пароход величественно: огромный черный монстр, прокладывающий дорогу по синей морской глади и оставляющий позади себя белый след бурлящей воды и пены.

Корнелия выскочила на балкон, чтобы получше разглядеть эту захватывающую картину.

– Интересно, что это за пароход? – сказала она. – Наверное, это «Канард»¹⁰, один из тех огромных океанских пароходов!

– Ты ошибаешься, Нил. Жаль, что это не он, и жаль, что я сейчас не плыву на нем. Но слава богу – пройдет несколько недель, и я уплыву отсюда на пароходе.

– Как! Тебе уже надоел Ньюпорт? Другого такого приятного уголка мы не найдем даже в Европе. Я уверена, что не найдем.

– Зато мы найдем более приятное общество и лучшие развлечения. – Что ты имеешь против здешнего общества?

– То же, что оно имеет против нас. Я не говорю о местных. Они ведут себя вполне прилично. Я говорю о тех, кто приезжает сюда на лето, как и мы. Ты спрашиваешь, что я имею против них. Станный вопрос!

– Я ничего особенного не заметила.

– Зато я заметила! Эти Дж., Л. и мисс Б. смотрят на нас презрительно, поскольку мы дочери лавочников! Ты же не могла не заметить этого.

Мисс Инскайп нечего было возразить, поскольку она действительно заметила, что кое-кто из этих людей посматривал на нее свысока. Но она была из тех, кто не придавал большого значения светским условностям, и такие нюансы ее мало волновали.

¹⁰ Здесь и далее упоминаются корабли известной английской паровой компании «Белая звезда Канарда», названной по имени основателя. Корабли этой компании перевозили почту в Канаду и Соединенные Штаты.

Однако гордой и честолюбивой Джулии все это было небезразлично. Нельзя сказать, что ею полностью пренебрегали, однако общество, собравшееся на фешенебельном морском курорте, относилось к ней с презрением, особенно вышеупомянутые Дж., Л. и мисс Б.

– Но в чем причина? – продолжала она с возмущением. – У нас лавочниками были отцы, у них – деды. В чем разница, хотела бы я знать?

И снова мисс Инскайп нечего было ей возразить.

Не желая раздражать гордую и честолюбивую кузину, она попробовала ее успокоить:

– Хорошо, Джулия, пускай мисс Дж., Л. и мисс Б. смотрят на нас свысока, но зато их братья совсем не такие. Я тебя уверяю, что они совсем не такие!

– Оставь в покое их братьев! Что толку, что они снизошли до нас? Не делай из меня глупышку, Нил! Миллион долларов – наследство, оставленное мне отцом, которое я получу после смерти матери, – вполне объясняет их внимание. К тому же, если зеркало мне не врет, я очень недурна!

Да, она имела все основания говорить так! Трудно найти девушку, которая была бы «недурна» так же, как Джулия Гирдвуд. Зеркало отражало этот цветок, уже успевший распуститься и принять совершенные формы. С такой внешностью дочь лавочника чувствовала себя герцогиней. Ее лицо и фигура были совершенны в равной степени. Такая девушка не могла не нравиться; хотя, как это ни странно, она вызывала у окружающих также неприятное чувство некоей опасности. Подобным свойством печально прославились Клеопатра¹¹, Лукреция Борджиа¹² или красавец-убийца Дарнли¹³.

В ней невозможно было отыскать ни одной неуклюже-грубоватой черты, даже малейшего признака неаристократического происхождения или деревенщины и всего того, что этому сопутствует. Возможно, какая-то простоватость была в ее кузине, Корнелии. Но Джулия Гирдвуд так долго жила на Пятой авеню (здесь находился дом ее матери), что внешне ничем не отличалась от самых гордых девиц этой аристократической улицы.

– Ты права, Джулия, – согласилась с ней кузина. – Ты и богата и красива. Мне жаль, что я не похожа в этом на тебя.

– Ах ты маленький льстец! Может, ты и не такая богатая, как я, но уж красотой мне точно не уступаешь. Впрочем, ни то, ни другое здесь ничего не значит.

– Так почему ты приехала сюда?

– Это была не моя идея. Это мама привезла меня сюда. Если говорить обо мне, я предпочитаю Саратогу¹⁴, где не придают такого значения родословной и где дочь лавочника так же хороша, как и его внучка. Я хотела отправиться туда на этот сезон, но мама возражала. Ничто другое ее не устраивало, только Ньюпорт, Ньюпорт, Ньюпорт! И вот мы здесь! Благодарение небесам! Но это недолго еще продлится.

– Хорошо, но поскольку мы уже здесь, давай наслаждаться тем, что дано здесь каждому: будем купаться и загорать.

– Ага, давай сделаем вид, что нам здесь хорошо! Если опустить тела мисс Дж., Л. и мисс Б. В соленую воду, это во многом оправдывает их присутствие в Ньюпорте, например, это могло бы немного улучшить цвет их лиц. Видит бог, как они нуждаются в этом; но я, благодарение небесам, совсем в этом не нуждаюсь!

¹¹ Царица-куртизанка, злой гений Египта. Хитрая, жестокая, малодушная и коварная, строившая свое благополучие на несчастьях других, в конце концов должна была погибнуть, запутавшись в сетях собственных интриг.

¹² Одна из самых известных женщин в мировой истории, дочь всесильного кардинала Родриго Борджиа (1480–1519), красавица, ставшая любовницей двух своих братьев. Немало ее поклонников поплатились за роковую страсть собственной жизнью.

¹³ Как известно, в убийстве католика Генри Дарнли, бывшего регентом Шотландии и впоследствии задушенного, была обвинена его супруга Мария Стюарт.

¹⁴ Курорт на востоке штата Нью-Йорк.

– Но ты будешь купаться сегодня?

– Нет, не буду!

– Но кузина! Это же восхитительно!

– Ненавижу!

– Ты шутишь, Джулия?

– Нет, просто я хотела сказать, что ненавижу купаться в окружении этой толпы.

– Но ведь невозможно быть на пляже в одиночестве!

– Это неважно. Я не желаю с ними встречаться где бы то ни было – на пляже или в другом месте. Если бы только можно было купаться вон там, в глубоких синих водах, или среди этих белых скал, которые видны отсюда! Ах! Вот это была бы восхитительная процедура! Интересно, найдется ли такое местечко, где мы могли бы купаться в одиночестве?

– Да, я знаю такое местечко. Я открыла его на днях, когда собирала раковины вместе с Кецией. Внизу, под утесами. Там есть уютная небольшая пещера, великолепный грот с глубоким водоемом перед ним и гладким песчаным пляжем, белым, как серебро. Утес нависает над берегом, и я уверена, что никто не сможет заметить нас сверху, особенно когда мы будем купаться. Таким образом, мы будем на пляже, и утес будет защищать нас от посторонних взоров. Мы можем раздеться в пещере без опасения, что кто-нибудь нас увидит. Кеция будет сторожить нас наверху. Ну скажи мне, Джулия, ты пойдешь туда купаться?

– Хорошо, давай. Но что мы скажем маме? Она ужасно не любит, когда не соблюдаются правила приличия. Она будет против.

– Нам не следует раскрывать ей нашу тайну. Она не собирается сегодня купаться, она уже сказала мне об этом. Мы сначала вместе пойдем к обычному пляжу, как будто собираемся купаться там. Оказавшись вне поля ее зрения, мы можем уйти туда, куда нам надо. Я знаю тропинку, ведущую через поля прямо к утесу. Так ты пойдешь со мной?

– О да, я согласна.

– Сейчас как раз время отправиться. Слышишь топот в коридоре? Это купальщики собрались на пляж. Давай позовем Кецию и отправимся в путь.

Поскольку Джулия нисколько не возражала, ее кузина прошла в коридор и, остановившись перед дверью смежной комнаты, позвала: «Кеция!»

Это была комната миссис Гирдвуд, а Кеция, ее темнокожая служанка, играла роль горничной и прислуживала всем трем дамам. Правда, на зов Корнелии ответила не она:

– Что случилось, дитя?

– Мы собираемся идти купаться, тетя, – сказала молодая леди, приоткрыв дверь и заглянув в комнату. – Мы хотим, чтобы Кеция подготовила нам купальные платья.

– Да, конечно, – послышался тот же самый голос, который принадлежал миссис Гирдвуд. – Ты слышишь, Кеция? Послушайте, девочки! – добавила она, обращаясь к молодым леди, которые уже стояли вдвоем в дверном проеме. – Вам надо взять урок плавания. Помните, что мы путешествуем по крупным морям и океанам, и вам надо научиться плавать, чтобы в случае чего не утонуть.

– О мама! Ты нас пугаешь.

– Хорошо-хорошо, но я думаю, умение плавать вам в любой ситуации пригодится. Во всяком случае нелишне будет научиться держать голову над водой и овладеть еще одним навыком. Поторопись, девушка, с купальными платьями! Все уже ушли на пляж, а вы опаздываете. Ну же, ты нас задерживаешь!

Вскоре Кеция появилась в коридоре, неся с собой сверток – купальные принадлежности для молодых леди.

Крепкая, здоровая негритянка была важным атрибутом семьи владельца магазина; этот атрибут должен был подчеркнуть их принадлежность к южным штатам и, конечно, аристократическое положение. Надо сказать, не только Гирдвуды выбирали служанок подобным

образом. На голове Кеции красовался шерстяной тюрбан в новоорлеанском стиле, а на плечи был накинута пестрый платок.

Юные леди быстро сняли шлепанцы и надели пляжные туфли. Их головы покрыли кокетливо надетые женские шляпки, а на плечи (в течение дня еще могло похолодать) были наброшены шали.

– Ну, мы пошли, – сказали кузины. Они миновали галерею, спустились по длинной лестнице, пересекли веранду и вышли наружу, а затем направились по дороге к пляжу.

Когда они убедились, что их больше не видно из окон гостиницы, девушки изменили маршрут и свернули на тропинку, ведущую к утесу.

Менее чем через двадцать минут их можно было видеть спускающимися в одно из ущелий, ведущих вниз. Впереди шла Корнелия, сразу за ней Джулия, и замыкала шествие негритянка с узлом их купальных принадлежностей.

Глава II

ДВЕ НАЯДЫ

Однако их заметили.

Некий джентльмен, прогуливающийся вдоль утеса, видел, как девушки спустились вниз.

Он был из Охра-поинт, что далеко отсюда, и не был знаком с молодыми леди, сопровождаемыми чернокожей служанкой.

Джентльмену подумалось, что появление здесь в этот час двух девушек несколько странно, ведь это самое время для купания. Он видел пляж с веселыми отдыхающими, издали похожими на разноцветных лилипутов, в зеленых, синих, темно-красных и алых костюмах.

«Почему эти леди не пошли на пляж вместе со всеми? – удивился он, но тут же нашел ответ: – Вероятно, они собирают раковины. Они ищут раковины среди морских водорослей. Из Бостона, без сомнения. И я готов держать пари, что для сбора раковин они надели подводные очки».

Джентльмен улыбнулся, довольный своей сообразительностью, но тут же был разочарован. Вид чернокожей служанки опроверг его вывод.

«Похоже, они из южных штатов», – пробормотал он и сразу перестал думать о незнакомках. У него в руках было ружье, и он собирался подстрелить одну из крупных морских птиц, время от времени пролетавших вдоль утеса.

Поскольку только что закончился отлив и поток воды начал возвращаться, птицы пролетали низко, стремясь подхватить пищу с мелководья или с песчаного берега.

Обратив внимание на это обстоятельство, охотник решил спуститься пониже к морю, чтобы подстрелить дичь наверняка, и направился в одну из расщелин утеса – в ту, которая была поближе к нему. Двигаться быстро по песку было трудно, к тому же ему на пути то и дело попадались выступы скал. Но охотник и не торопился. Для удачного выстрела нужно было выбрать хорошее место. Кроме того, до удара колокола, созывающего постояльцев «Океанхауза» на обед, оставалось еще несколько часов. Джентльмен также остановился в этой гостинице, и до наступления обеда ему нечего было там делать.

Пока наш герой совершает свою неторопливую прогулку, следует в нескольких словах описать его внешность.

Стиль одежды указывает на то, что перед нами – охотник-любитель, а по профессии он, скорее всего, военный. Голову покрывает фуражка, очевидно, прошедшая вместе с хозяином все тяготы военной службы. Наполовину скрытое тенью лицо покрыто загаром – вероятно, джентльмен проходил службу в какой-то тропической стране; однако заметно, что загар уже начал сходить, видимо, командировка закончилась некоторое время назад. Простой гражданский сюртук, застегнутый на пуговицы, темно-синие брюки и сильно сбитые ботинки на ногах – таков его полувойенный костюм. Стоит отметить, что одежда сидит на джентльмене великолепно, подчеркивая его стройную и мужественную фигуру.

Лицо его не менее мужественно. Не овальное, но той округлой формы, которая гораздо чаще свидетельствует о недюжинной силе и смелости. Красивый облик этого человека венчают пышные темные волосы и аккуратные усы. Хотя джентльмен успел послужить в дальних странах, он еще молод – ему всего лишь около тридцати лет.

Он медленно подвигался вперед, слышалось только шуршание ботинок о гальку. Однако когда охотник остановился, дожидаясь появления чайки, и только собрался прицелиться, как тишина была нарушена другими звуками. Звуки эти были настолько приятны

уху, что молодой человек мгновенно позабыл о чайке. Птица пролетела мимо, и он даже не сделал попытки спустить курок, хотя расстояние вполне позволяло удачным выстрелом убить ее.

«Нимфы! Наяды! Русалки! Прозерпина¹⁵ спустилась со скалы, чтобы принять водные процедуры! О боги! О богини! Какая завораживающая картина!»

Эти слова сорвались с его уст, когда он стоял, пригнувшись, прямо напротив скалы, нависавшей над утесом. Под скалой находилась бухта, где купались молодые леди. Негритянка, охранявшая их, беззаботно смотрела по сторонам, сидя на одном из выступов скалы.

«Целомудренные Дианы! – воскликнул охотник. – Простите мне мое вторжение! Весьма нечаянное, клянусь вам. Я должен срочно вернуться назад, а то рискую покончить со своей холостяцкой жизнью. Вы меня провоцируете! Я хотел было пройти, чтобы исследовать пещеру, но услышал ваш разговор. Я хотел просто пройти здесь. Как же неловко получилось, что вы остановили меня!»

Последняя фраза явно не соответствовала истине. Особенно если учесть, что, пробормотав ее, молодой человек продолжал слоняться вблизи скалы и наблюдать за дамами.

Они плескались в прозрачной воде, не доходявшей им до пояса, – намокшие юбки плотно облепили тела девушек, ноги отчетливо просматривались в воде и были похожи на морские кораллы – молодые кузины резвились, наслаждаясь купанием. Лишь Иосиф¹⁶ сумел бы устоять перед таким зрелищем!

Купальщицы были растрепаны. У одной волосы были черными, у другой – золотистыми; у обеих в волосах сверкали жемчужные капли воды. А крошечные пальчики с полукруглыми розовыми ноготками продолжали весело поднимать брызги. Расходившиеся по воде круги, звонкие голоса... – ах! Кто бы мог добровольно отвернуться от такой картины?!

Чтобы отвлечься, охотнику пришлось приложить немало усилий, и только вспомнив сестру, он наконец подавил свои чувства.

Размышляя о сестре, он зашел за скалу, откуда уже не было видно так взволновавшей его картины.

«Ужасно неловко! – снова пробормотал он, на этот раз, скорее всего, гораздо искреннее. – Теперь я не смогу там пройти. Пещера уже недалеко, и скоро мне придется возвращаться назад! Я должен или вернуться сейчас, или подождать, пока они не закончат свои водные процедуры».

На мгновение молодой человек задумался. Он уже далеко ушел от места своего спуска. А путь, пройденный им, был не так легок. Поэтому он решил остаться, «пока берег не будет свободен».

Джентльмен сел на камень, вынул сигару и закурил.

Он был не более чем в двадцати шагах от водоема, в котором купались прелестные девушки. Слышал плеск воды, потревоженной их ладонями, словно молодые лебеди били по воде крыльями. Он слышал их голоса и звонкий смех. Однако не было никакой опасности, что он невольно подслушает разговор: шум моря не позволял расслышать, о чем они говорили. Только время от времени слышались громкие восхищенные возгласы наяд или раздавался пронзительный голос негритянки, предупреждавшей, чтобы они не заходили слишком далеко, поскольку начинался прилив. По этим звукам он мог рисовать в своем воображении картины происходящего, но видеть девушек не мог, так как находился за скалой.

Прошло добрых полчаса, а девушки все еще не выходили из воды, по-прежнему резвились и звонко смеялись.

¹⁵ Прозерпина – в древнеримской мифологии богиня подземного царства.

¹⁶ Герой Ветхого Завета. Находился в рабстве у богатого египтянина Потифара, жена которого пыталась соблазнить его. Иосиф устоял перед ее чарами, вырвался из ее рук, за что был оклеветан и посажен в тюрьму.

«Возможно, они самые настоящие русалки, иначе они не могли бы купаться так долго. Безусловно, будь это обычные девушки, они давно бы уже вышли из воды».

Как видно из этих слов, охотник начинал терять терпение.

Но вскоре плеск прекратился и смех затих. Теперь молодой человек слышал лишь голоса девушек, ведущих беседу, и звучащий в паузах голос негритянки.

«Они уже вышли из воды и одеваются, – с радостью заключил охотник. – Интересно, как долго они будут собираться? Не более часа, я надеюсь».

Он вытащил новую сигару, третью по счету.

«К тому времени, как я ее выкурю, – рассуждал охотник, – они уйдут. Во всяком случае, они оденутся; и я, не рискуя оказаться невежливым, пройду мимо них».

Он закурил и прислушался.

Разговоры теперь велись непрерывно, но более тихими голосами, и смеха больше не было слышно.

Сигара была уже почти выкурена, а серебристые голоса все не умолкали; к ним примешивался хриплый шум морских волн – и шум этот все нарастал, поскольку начался прилив. Внезапно подул свежий морской бриз, еще более усиливший шум воды; и голоса девушек на этом фоне стали подобны приглушенному металлическому звуку, доносящемуся издалека, так что охотник стал сомневаться, на самом ли деле он слышит их.

«Самое время им уйти, – сказал он, вскакивая с места и выбрасывая недокуренную сигару. – У них было достаточно времени, чтобы закончить свой туалет дважды, во всяком случае. Глупо ждать дальше. Пора идти продолжать свое исследование».

Молодой человек вернулся к выступу утеса. Сделал шаг – и неожиданно остановился. Лицо его омрачилось. Вода во время прилива поднялась, скрыв камни, и выступ мыса теперь был на добрых три фута покрыт ею; в то время как бушующие волны, то и дело накатываясь, поднимали уровень воды все выше и выше.

Не было видно никакого доступного пути к пляжу, расположенному ниже, или к выступу, расположенному выше. Кругом вода!

Стало ясно, что в задуманном направлении пройти невозможно, разве что попробовать перейти вброд, погрузившись в воду по пояс. Цель его прогулки не стоила таких усилий, и с возгласом разочарования (он был сильно огорчен, что зря потратил столько времени) охотник направился обратно к отвесному берегу.

Он уже не прогуливался, а шел быстрым шагом. Предчувствие возможных неприятностей заставило его двигаться в самом быстром темпе, на который он был способен. Что если обратный путь тоже отрезан? Что если на пути возникнет та же самая преграда, которая прервала его исследование?

Мысль эта его очень тревожила, когда он торопливо взбирался по скалам и проходил мимо утренних луж, которые теперь превратились в обширные водоемы. Охотник вздохнул свободно, лишь снова достигнув ущелья, по которому спустился на берег.

Глава III

ДВА РИФМОПЛЕТА

Охотник ошибался, считая, что девушки уже ушли. Они все еще находились в бухте, просто молчали.

Их беседа прекратилась, потому что, одевшись, они приступили к занятиям, требующим тишины. Мисс Гирдвуд начала читать книгу (похоже, какой-то поэтический сборник); в то время как ее кузена, захватившая с собой мольберт и кисти, стала набрасывать эскиз грота, того самого, который служил им комнатой для переодевания.

Дождавшись, когда девушки выйдут из воды, Кеция тоже окунулась, в том же самом месте, однако прибывающий поток поднял уровень воды настолько, что ее темное тело было надежно скрыто от посторонних глаз с любой точки утеса.

Десять минут поплескавшись в воде, негритянка вернулась на берег; снова натянула свое клетчатое платье; отжала намокнувшие в морской воде волосы, поправила цветной платок, а затем, поддавшись усыпляющему воздействию соленого моря, легла на сухую гальку и почти сразу заснула.

Таким образом, троица отдыхала в полной тишине, и охотник-исследователь в момент, когда обнаружил преграду на своем пути и повернул назад, был в полной уверенности, что прекрасные леди покинули место купания.

Некоторое время тишина продолжалась. Корнелия наносила на свой мольберт яркие краски. Окружающий вид вполне был достоин ее кисти, и три фигуры, да еще при тех обстоятельствах, при которых они здесь пребывали, представляли собой интересный сюжет. Молодые леди время от времени купались в таких уединенных местах, и это позволяло им чувствовать себя смелыми и мужественными.

Разместив мольберт на камнях таким образом, чтобы волны не могли его залить, Корнелия делала наброски своей кузины, склонившейся над книжкой напротив утеса, и темнокожей служанки с тюрбаном на голове, уснувшей на прибрежной гальке. Крутой обрыв утеса с гротом внизу, черные камни, нависающие над ущельем, протянувшимся сверху вниз, выходящие по обеим сторонам обрыва растения, глыбы, покрытые кустарниками причудливых форм, — все это должно было попасть на холст юной художницы. Она уже значительно продвинулась в своей работе, когда восклицание кузины прервало ее занятие.

Джулия уже некоторое время нетерпеливо перелистывала книгу, что означало либо ее желание поскорее добраться до развязки, либо сильное разочарование в прочитанном.

Пропустив несколько страниц, она останавливалась, прочитывала несколько строчек и затем снова листала книгу, словно пытаясь найти что-либо получше.

Наконец последняя страница перевернута, и она с раздражением бросила книгу на гальку, воскликнув:

— Какой вздор!

— Ты о чем, кузина?

— Теннисон.

— Ты шутишь! Божественный Теннисон — любимый поэт нашего поколения?

— Поэт нашего поколения! Только не Теннисон!

— А кто же? Не Лонгфелло ли?

— Еще один такой же рифмоплет. Его американский сборник весьма посредственен, если не сказать — бездарен. Тоже мне поэты! Их причудливые бредни — длинные стихи, выражающие мелкие чувства, — не способны и на миллионную долю затронуть мою душу!

– Ты на самом деле так считаешь, кузина? Как же ты объясняешь их популярность во всем мире? Разве популярность – не доказательство того, что эти поэты действительно являются настоящими?

– В самом деле? А как же Сутей? Бедный, тщеславный Сутей, который возомнил, что он выше Байрона! И мир разделил его заблуждение – по крайней мере половина его современников! А сегодня этого рифмоплета никто не хочет издавать.

– Но Лонгфелло и Теннисона ведь издают!

– Да, это так. И они признаны в мире, я согласна. Но их популярность объяснима.

– Как же?

– Это стечение обстоятельств. Они появились после Байрона – сразу же после него.

– Я не понимаю тебя, кузина, объясни.

– Все просто. Байрон опьянил мир своей божественной поэзией. Его превосходные стихи были для души – как вино для тела, ибо великолепные, глубокие чувства – не что иное, как пир для души. Опьянение влечет за собой похмелье – такое нервное расстройство, при котором требуется горькое лекарство или глоток выпивки. Вот в такой роли и выступили Альфред Теннисон, поэт, удостоившийся милости королевы Англии, и Генри Уодсворт Лонгфелло, любимое домашнее животное бостонских сентиментальных леди в очках. Поэтическая буря сменилась прозаическим штилем, который продолжается уже более сорока лет, до сей поры, и этот штиль не нарушат жалкие потуги двух рифмоплетов!

– Питер Пайпер съел несколько острых перцев¹⁷! – процитировала Корнелия, звонко и добродушно рассмеявшись.

– Именно! – воскликнула Джулия, раздраженная веселым равнодушием кузины к подобным поэтическим перлам. – Только болезненное тщеславие заставило этих посредственностей зарифмовать несерьезную игру слов с налетом сентиментальности и издать ее, получив мировую известность, о которой ты говоришь. Впрочем, если учесть, что достойных кандидатов в поэты просто нет, я не удивляюсь, что у нас считают лучшими этих!

Договорив, она приподняла свою изящную ножку и в порыве злости пнула ею бедного Теннисона, глубоко втопав книгу во влажный песок.

– О, Джулия! Ты испортила книгу!

– Эту книгу уже невозможно испортить! Никому не нужна бумага. Вон, в одной из этих симпатичных водорослей, выброшенных на морской песок, содержится гораздо больше поэзии, чем во всех этих ничего не стоящих книжках. Пусть лежит здесь!

Последние слова были адресованы Кеции, которая, проснувшись, наклонилась, чтобы поднять растоптанную книгу.

– Пусть она лежит здесь, пока вода до нее не доберется; пусть волны морские предадут забвению книгу, а волны времени сотрут память о ее авторе. Есть только один настоящий поэт в нашем мире...

В это время Корнелия встала на ноги. Не потому, что ее задела слова кузины – просто волны Атлантики уже добрались до ее юбки. Она стояла, и морская вода стекала с ее одежды.

Художница жалела о том, что ей пришлось прервать рисование; картина была готова лишь наполовину; а теперь придется пересесть, и ракурс изменится.

– Ничего страшного, – пробормотала она, закрывая альбом. – Мы сможем прийти сюда завтра. Джулия, ты не против?

– Напротив, кузина. Это очень здорово, такое купание вне общества и без лишних церемоний. Я еще не получала большего удовольствия за все время пребывания на этом острове, на... на... острове Аквиднек. Таково, кажется, его древнее наименование. Сегодня наконец я пообедаю с аппетитом!

¹⁷ Английская игра слов: Peter Piper picked a peck of pickled peppers.

Кеция свернула купальные костюмы и увязала их в узел, наконец-то все трое уже готовы были двинуться в обратный путь. Теннисон так и лежал, зарытый в песок, его строгий критик не позволила забрать книгу.

Они направились обратно в гостиницу, рассчитывая подняться на утес тем же путем, которым они спустились сюда. Другой дороги они не знали. Однако, достигнув скалы, которая нависала над бухтой, все трое неожиданно вынуждены были остановиться. Они долго пробыли в бухте, и теперь дорога назад была перерезана потоком воды, нахлынувшей из-за прилива.

Глубина была лишь несколько футов, такое препятствие можно было преодолеть. Но вода все прибывала, и достаточно интенсивно, так что вскоре могла охватить купальщиц с головы до ног.

Они видели все это, но пока не чувствовали серьезной опасности. Досадная преграда, и только.

– Нам надо вернуться назад, – сказал Джулия, поворачивая к бухте. Спутницы направились за ней.

Однако и здесь они столкнулись с тем же препятствием.

Такая же глубокая вода, такая же опасность, что волны накроют их с головой. А пока они стояли, выжидая, вода продолжала прибывать – препятствие становилось все глубже и опаснее!

Назад, к тому месту, которое они только что покинули!

Здесь глубина потока тоже заметно увеличилась – вода поднялась более чем на фут, после того как они покинули это место. С моря дул легкий бриз, однако ветер постепенно усиливался.

Пересечь водное препятствие было уже невозможно: никто из них не умел плавать. У кузин одновременно вырвался крик отчаяния – чувство опасности, зародившееся у них некоторое время назад, теперь вырвалось наружу. Крик подхватила темнокожая служанка, выглядевшая гораздо более испуганной, чем ее хозяйки. В панике они снова бросились назад.

Теперь уже не было никаких сомнений в том, что положение сложное: с обеих сторон путь был отрезан.

Ужас охватил их при виде все прибывающей воды. Взгляды устремились к утесу, на котором они могли бы спастись, но ущелье, ведущее к нему, было недоступно. При виде утеса ими овладело отчаяние.

Лишь одна надежда поддерживала их. Если вода не поднимется выше их роста и не затопит с головой, они могли бы без опасений остаться на месте, пока не начнется отлив.

Девушки бегло осмотрели волны, грот и камни наверху. Не знакомые с морской стихией, они тем не менее знали, что волны поднимаются с приливом, после чего наступает отлив. Но как высоко поднимется вода? Им не было известно никаких признаков, которые могли бы подтвердить опасения относительно их участи или, наоборот, вселить надежду на благополучный исход.

Такая неопределенность еще хуже уверенности в грозящей опасности. Встревоженные девушки инстинктивно сжимали друг друга в объятиях, их громкие крики оглашали окрестности:

– Помогите! Помогите!

Глава IV

«ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ!»

Крик о помощи доносился до вершины утеса. И услышал его тот самый джентльмен, который пришел сюда поохотиться; тот, кто совсем недавно слышал те же самые голоса совсем в другой тональности.

Покинув ущелье, он уже был севернее Восточного пляжа – шел самым коротким путем к гостинице. Он едва пришел в себя после неприятного происшествия, заставившего его совершить трудный обход; хотя его мысли больше были заняты не неприятностью, а прекрасным лицом одной из двух прекрасных незнакомок, которых он увидел на пляже. Это лицо имело смуглый оттенок...

Ее фигура также не выходила у него из головы. Он кинул лишь мимолетный взгляд на прелестную головку и линии фигуры, просматривавшиеся в полупрозрачной воде, но незнакомка успела произвести на него неизгладимое впечатление. Он не мог забыть эту картину, и уже начал раскаиваться в своей деликатности, заставившей его отступить за скалу. Под впечатлением от увиденного он решил изменить свой маршрут, надеясь как бы случайно встретиться с прелестными купальщицами на вершине утеса.

Прошло, однако, немало времени, а девушки все еще не появлялись. Джентльмен видел сверху только пустынный пляж – несколько одиноких темных фигур, появившихся там, очевидно, спешили в гости к Нептуну.

Конечно же русалки, сменив купальные костюмы на элегантные платья, давно ушли домой, в гостиницу. По крайней мере, так он думал. Но внезапно понял, что его догадка неверна: где-то поблизости раздался крик, и крик повторился снова и снова!

Он подбежал к краю утеса и взглянул вниз. Картина изменилась до неузнаваемости: поток прилива залил все известные ему приметы. Даже выступы скал были залиты и едва угадывались по тому, как вокруг них бурлила вода прибоя.

Вот снова раздался тот же крик!

Опустившись на колени, он подползал ближе и ближе, пока не оказался у самого края обрыва. Но внизу ничего так и не заметил. Ни души. Не было ни одного места, где кто-либо мог бы разместиться, не утонув в бурном потоке. Не было видно ни берега, возвышавшегося над водой, ни скалы или выступа, где мог бы находиться человек. Только сердитые темные волны, ревущие подобно разгневанным львам, захватив берег, стремились унести все, что там было, в пучину океана!

Среди хаоса бушующих волн снова послышался крик! И снова, и снова, пока он не превратился в непрерывные призывы о помощи! Теперь он уже не сомневался в значении этих криков. Купальщицы внизу, и они в опасности! Но как им помочь?

Джентльмен поднялся на ноги и внимательно осмотрел все вокруг – как обрыв, так и другие пути, ведущие вниз, к берегу. Поблизости нет никакого жилья, значит, раздобыть веревку невозможно.

Он обратился в сторону Восточного пляжа. Там должна быть лодка. Но придет ли она на помощь вовремя? Сомнительно. Непрерывные призывы о помощи означают серьезную опасность. Возможно, в эту минуту несчастные уже тонут в бурном потоке!

И тогда молодой человек вспомнил об ущелье, полого спускающемся к берегу. Оно должно быть недалеко. То самое ущелье, по которому спустились молодые леди. Он умеет хорошо плавать, и, добравшись до бухты по воде, сумеет их спасти.

Крикнув, что он идет к ним на помощь, и по возможности ободрив терпящих бедствие, он начал быстро спускаться по гребню утеса.

Добравшись до ущелья, молодой человек вошел в него и очень скоро спустился до уровня моря. Не останавливаясь, он побежал вдоль берега, по песку и гальке, преодолевая острые выступы скал и протискиваясь между скользких валунов, покрытых морскими водорослями.

Наконец он достиг того места, где бухта упиралась в отвесную скалу. Здесь ему снова стали слышны крики отчаяния, долетавшие сквозь шум морского прибоя. Идти дальше было невозможно: воды было по шею, она бурлила и все прибывала. Сбросив ботинки, сняв оружие, кепку и пиджак и положив все это на выступ скалы, джентльмен вошел в воду и начал борьбу с бушующими волнами.

Это едва не стоило ему жизни. Дважды его с силой выбрасывало на камни, и каждый раз он получал сильные ушибы. Однако ему все же удалось обогнуть скалу и заплыть в бухту, где волнение воды было намного слабее. Теперь плыть стало легко, и вскоре он оказался около неудачливых купальщиц, которые, увидев его, перестали кричать и поверили в свое спасение.

Девушки находились в гроте, куда вернулись, поскольку это было самое высокое место, до которого они смогли добраться. Но и здесь вода уже заливала их лодыжки. Увидев джентльмена, они бросились ему навстречу и тут же оказались по колено в воде.

– О сэр! – крикнула старшая из кузин. – Вы видите, в какую неприятную ситуацию мы попали. Можете вы помочь нам?

Пловец принял вертикальное положение. Прежде чем ответить, он осмотрелся.

– Вы умеете плавать? – спросил он.

– Увы, никто из нас не умеет...

«Это плохо, – пробормотал он про себя. – Сомнительно, что я смогу перенести их этим путем. Хорошо уже, что мне удалось добраться сюда одному. Я едва не разбился. Но черт возьми, как мне переправить их?»

Девушки не могли знать, о чем он думает, но, видя его мрачное лицо, они стояли, дрожа от страха.

Внезапно молодой человек обратил свой взгляд на утес. Он вспомнил, что, когда был наверху, заметил там расщелину. Теперь ему представилась возможность рассмотреть ее в деталях от подножия утеса и до вершины. Луч надежды осветил его лицо. Это могло быть спасением!

– Пожалуй, вы сможете подняться на утес вон там? – высказал он свой вопрос-предложение.

– Нет-нет! Я уверена, что нам не удастся взобраться на утес этим путем. Я не смогу.

– И я не смогу.

– Вы смогли бы подняться, цепляясь за кустарник. Это не так уж трудно, как кажется. Эти кусты помогут вам, есть также места, где можно поставить ногу. Сам я мог бы взобраться на утес без труда, но, к сожалению, я не смогу сопровождать вас во время подъема. Там недостаточно места, чтобы подняться двоим одновременно.

– Я уверена, что не сумею пройти и половины пути – упаду!

Это сказала Корнелия. Джулия придерживалась такого же мнения. Негритянка же была до такой степени напугана, что собственного мнения не имела. Губы ее приобрели пепельно-бледный оттенок, и она была не в состоянии что-либо сказать.

– Раз так, нет никакой другой возможности, кроме как попытаться переплыть поток, – сказал незнакомец, снова поворачиваясь в сторону моря, и тщательно исследуя прилив. – Нет! – решительно сказал он, окончательно отказываясь от этого плана. – Вплавь я смог бы спастись сам, хотя сейчас я и в этом не уверен. С тех пор как я прибыл сюда, вода еще поднялась. Со стороны моря дует сильный ветер. Я хороший пловец, но переправить вас с собой... Боюсь, мне это не под силу.

– Но послушайте, сэр, – обратилась к нему девушка с темно-коричневыми глазами, – разве мы не могли бы остаться здесь, пока не начнется отлив?

– Это невозможно. Взгляните туда! – ответил джентльмен, показывая на утес.

Достаточно было даже беглого взгляда, чтобы убедиться в его правоте. Горизонтальная линия, явно заметная на отвесных стенах утеса, благодаря тому, что вода вдоль нее подточила камень, и являлась верхней границей прилива. Она проходила на огромной высоте!

У девушек одновременно вырвался крик ужаса, когда они поняли, что это означает. Именно сейчас они впервые ощутили всю полноту опасности, которая им угрожает. Если до этого момента они еще тешили себя надеждой, что уровень воды не поднимется так, чтобы полностью затопить их, то теперь они своими глазами видели контрольную линию, проходящую намного выше поднятых вверх рук!

– Не надо падать духом! – воскликнул незнакомец, внезапно приободрившись, как будто некая новая счастливая мысль пришла ему в голову. – У вас есть накидки. Дайте мне их, обе.

Не спрашивая зачем, девушки сняли с плеч и передали ему свои кашемировые накидки.

– У меня возник план, – сказал незнакомец, доставая нож и разрезая дорожную материю на полосы. – Как я не догадался сделать это ранее! С помощью этих полос материи я смогу поднять вас на утес.

Очень скоро материя была разрезана на несколько полос. Связав их концы, джентльмен получил достаточно длинную «гирлянду», способную послужить им в качестве веревки.

Испуганные леди нетерпеливо помогали ему в этой работе.

– А теперь, – сказал он, как только подобие веревки было готово, – я смогу поднять вас одну за другой. Кто пойдет первой?

– Иди ты, кузина! – сказала девушка с темно-коричневыми глазами. – Ты самая легкая. Пусть он сначала опробует этот подъем с самым легким весом.

В создавшемся положении не было времени для каких-либо споров или церемоний, и посему Корнелия приняла предложение. Незнакомцу осталось только приступить к исполнению своего плана.

Веревка была тщательно обвязана вокруг талии девушки, другой конец веревки так же тщательно был прикреплен к телу мужчины. Связанные таким способом, они начали восхождение на утес.

Хоть и с трудом, но оба альпиниста, опытный и новичок, преодолели подъем. И вот уже юная леди стоит целая и невредимая на вершине утеса. Но спасенная не проявила никаких признаков радости. Ведь кузина ее все еще находилась внизу и была в опасности!

Развязав веревку, спаситель спустился вниз тем же самым путем, как и в первый раз: снова обогнув скалу, ему пришлось бороться с бурным потоком, – и вот уже оказался под защитой бухты.

Веревка была сброшена вниз, поймана и обвязана вокруг талии другой девушки. Начался трудный подъем, после чего и Джулия была спасена!

Но на этом он не остановился. Благородный спасатель не допускал даже и мысли, чтобы бросить в беде служанку с черным цветом кожи.

И в третий раз, подвергая опасности свою жизнь, он вернулся к негритянке и таким же способом поднял ее, чтобы та присоединилась к белым девушкам в выражении своей благодарности.

– Мы никогда не забудем то, что вы для нас сделали, – сказала девушка с темно-коричневыми глазами.

– О, никогда-никогда, – воскликнула другая, обладательница голубых глаз.

– Мы бы хотели попросить вас еще об одном одолжении, сэр, – сказала первая девушка. – Нам очень неудобно просить об этом. Но мы оказались бы в очень щекотливой

ситуации, если бы все узнали о нашем неприятном приключении. Поэтому не могли бы вы помочь нам еще раз и никому не рассказывать о происшедшем?

– О, относительно меня вы можете не беспокоиться. Я не скажу никому ни слова, будьте уверены! – отвечал благородный незнакомец.

– Тысяча благодарностей! Мы действительно вам очень обязаны! Хорошего дня вам, сэр!

Отвесив поклон, девушка с темно-коричневыми глазами направилась по тропинке, ведущей от утеса к «Океанхаузу». Несколько более глубокое чувство благодарности можно было бы наблюдать в голубых глазах другой девушки (это была Корнелия); но она удалилась столь поспешно, что никак не успела выразить свои чувства. Оправдать ее могло лишь душевное состояние, вызванное только что пережитым.

Что касается негритянки, то она в оправданиях не нуждается.

– Да хранит вас Господь, благородный масса! Да хранит вас Господь! – повторяла она слова искренней, подлинной благодарности, которые джентльмен заслужил по праву.

Глава V

ЗЛАЯ ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА

Удивленный и несколько огорченный охотник остался на том же месте, думая о трех дамах, которых он только что спас от почти неминуемой смерти.

«Тысяча благодарностей! Мы действительно вам очень обязаны!»

Он повторил эти слова, подражая тону, которым они были сказаны. «Клянусь моей верой! – продолжал он, делая акцент на каждом слове. – Весьма прохладное отношение! Что я, черт возьми, сделал для этих дам? В стране, где я родился, меня так же бы благодарили, если б я, скажем, помог им подняться по лестнице или вернул обороненную перчатку... „Хорошего дня вам, сэр!“ И даже не спросили моего имени и не представились! И ни намека на новую встречу!»

«Ну да ладно, пожалуй, у меня будет еще возможность проследить за ними. Они направляются прямо к «Океанхаузу». Достойная роскошная клетка для этих прекрасных птичек. Райских птичек – судя по их перышкам неземной красоты. Ах! Особенно смугленькая. Ее походка грациозна, как у павы, а глаз как у орлицы!»

«Странно, сердце отдает свое предпочтение одной из них! Странно, что я увлекся той, которая, казалось бы, выразила мне меньшую благодарность. Пожалуй, она была даже надменна. Я был бы очень удивлен, если бы мои чувства нашли у нее ответ».

«Смог бы я полюбить эту девушку? Я почти уверен, что смог бы. Была бы это истинная, чистая любовь? Не уверен. Это не такой тип женщины, которую мне хотелось бы взять в жены. Я уверен, она всегда бы одевалась...»

«Постой-ка! Я совсем позабыл о моих пиджаке, шляпе и ботинках. Что если прилив унес их?! Хорошенькое дело – я возвращусь в гостиницу в одной рубашке! Без шляпы и босой! То-то будет пересудов в гостинице! О боже!»

Тон последнего восклицания весьма отличался от прочих речей, которые вел джентльмен сам с собой. Если о неблагодарности девушек он бормотал как бы в шутку, с улыбкой на губах, то с восклицанием «О боже!» его лицо покрыла мрачная тень.

Резкое изменение настроения объяснили его последующие слова.

«Мой бумажник! И в нем тысяча долларов! Все мои деньги! Если я их потеряю, я не смогу более оставаться в гостинице! Я не смогу оплатить счета! И мои бумаги и документы! Некоторые из них очень важны для меня! Боже, помоги мне. Если они утонули...»

Он снова поднялся на утес и снова спустился вниз по ущелью, с такой поспешностью, как будто еще одна прекрасная незнакомка с глазами орлицы звала на помощь. Он уже достиг уровня моря и пошел вдоль берега, когда увидел темный предмет на воде – на расстоянии примерно одного кабельтова¹⁸ от берега. Это была небольшая весельная шлюпка с двумя гребцами.

Шлюпка направлялась к Восточному пляжу, но гребцы прекратили работать веслами и сидели, опустив их в воду. Они были как раз напротив бухты, в которую наш герой столько раз совсем недавно с трудом пробирался, спасая девушек.

«Какая жалость! – подумал он. – Двадцать минут назад я бы попросил этих людей помочь мне спасти несчастных, и тогда леди не лишились бы этих платков, которые, должно быть, стоили кругленькую сумму, – без сомнения, пятьсот долларов за штуку! Лодка, должно быть, проплывала вдоль берега в это время. Как глупо с моей стороны, что я не видел ее!»

¹⁸ Кабельтов (морск.) – единица измерения длины на флоте, равная примерно 180 метрам.

«Что это они остановились? Ага! Мои пиджак и фуражка! Они увидели их, да и я тоже. Хвала небесам, мои документы и бумажник в безопасности!»

Он поспешил было забрать вещи, тем более что прилив угрожал вскоре все затопить, как вдруг заметил темную фигуру какого-то монстра, приближающуюся со стороны моря к тому же месту, куда стремился и он. Когда монстр добрался до мелководья и встал на ноги, он стал виден отчетливо, и охотник с удивлением узнал в чудовище огромную собаку породы ньюфаундленд!

Очевидно, собаку прислали с лодки. И приплыла она для того, чтобы на глазах у охотника подбежать к выступу, схватить в зубы его вещи и затем погрузиться с ними в воду.

Пиджак, сшитый у лучшего портного, тысяча долларов, рассованных по карманам, и документы, стоящие в десять раз больше!

– Назад! Назад! – закричал владелец, помчавшийся к месту находки. – А ну верни мне все это, ты, скотина! А ну верни! Отпусти!

– Давай, вперед! – донесся голос с лодки. – Вперед, Бруно, вперед, умная собака! Еще немного!

Слова эти сопровождались смехом, который эхом отдавался от утеса. Слышны были голоса обоих лодочников.

Лицо охотника стало чернее камней утеса, расположенного позади него, и он от неожиданности застыл на месте. До сих пор он предполагал, что эти люди не видели его и собака была послана, чтобы подобрать вещи, которые могли бы считаться «невостребованной собственностью». Но команда, данная животному, и презрительный смех сразу рассеяли его заблуждения. Джентльмен удостоил гребцов такого испепеляющего взгляда, который мог ужаснуть и более веселых людей, чем они.

Волна справедливого гнева, окатившая молодого охотника, все же не лишила его самообладания. За свою жизнь он много путешествовал по разным странам, преследовал команчей, вышедших на тропу войны, сражался на штыках против лихой кавалерии в Мексике – и нынешний фокус не мог вывести его из себя.

– А ну, дайте команду вашей собаке вернуться назад! – его голос усилило громкое эхо камней утеса. – Верните собаку, или, клянусь небесами, вы оба горько пожалеете об этом!

– Вперед, Бруно! – продолжали подбадривать собаку наглецы, бросая вызов молодому джентльмену. – Вперед, умная собака! Еще, еще немного!

Охотник на мгновение застыл в нерешительности, не зная, как поступить. Догнать собаку было уже невозможно, так же бессмысленно было пытаться достичь вплавь лодки и там рассчитаться с наглецами, которые продолжали безнаказанно оскорблять его.

Однако его растерянность продолжалась недолго, лишь несколько секунд. Оглядевшись в поисках выхода из затруднительного положения, он обратил внимание на свое ружье, все еще лежащее на выступе, там, где он его оставил.

С радостным криком он бросился к выступу, и вот уже оно снова в его руках. Ружье было заряжено крупной дробью, поскольку он как раз охотился на морских птиц, но так и не выстрелил ни в одну из них.

Он не стал тратить время на предупреждение. Наглое поведение двух молодчиков избавило его от церемоний, и, быстро прицелившись, он послал заряд в спину ньюфаундленда. Собака отпустила пиджак, раздалось отвратительное рычание, и раненое животное поплыло к лодке.

Смех больше не отражался эхом от утеса. Он прекратился, как только раздался выстрел.

– Получите вашу собаку! – сказал охотник так громко, чтоб его услышали. – И если вы приблизитесь на вашей лодке, я могу угостить пулей и вас!

Гребцы предпочли не рисковать. Их шутка закончилась неудачно, и, с трудом втащив собаку на борт, они продолжили свой путь.

К счастью для охотника, прилив все еще продолжался, так что его пиджак с долларами и документами вскоре вынесло на берег. Правда, ему пришлось изрядно потрудиться и как следует выжать промокшую одежду, чтобы в ней можно было появиться в гостинице. Хорошо, что ему никто не встретился по дороге от скалистого берега, ставшего единственным свидетелем его подвигов, до «Океанхауза».

«На сегодня довольно приключений!» – пробормотал он, приближаясь к гостинице, заполненной сотнями отдыхающих.

Он не знал, что здесь его ожидал новый сюрприз. Вступив на длинную веранду, он заметил двух господ, появившихся на другом ее конце. Их сопровождала огромная собака, которая нуждалась в медицинской помощи.

Господа также узнали его. Эта встреча была отмечена хмурыми взглядами с обеих сторон, и мрачное настроение участников недавнего происшествия не было развеяно даже гонгом, созывающим постояльцев гостиницы на обед.

Глава VI

ПАРА ЛЮБЯЩИХ СУПРУГОВ

«Жениться по любви! Ах! Каким я был глупцом! – человек, пробормотавший эти слова, оперся локтями о стол и, обхватив руками голову, нервно тербил волосы. – Каким я был глупцом, что женился по любви!»

В ответ послышался женский голос. Приоткрытая дверь распахнулась, и на пороге показалась очень красивая женщина, дрожащая от негодования. Мужчина растерянно посмотрел на нее.

– Ты слышала меня, Франциска? – спросил он тоном, в котором одновременно слышались и упрек, и раскаяние.

– Да, я слышала тебя, Ричард, – ответила женщина, с достоинством входя в комнату. – Ничего не скажешь, твои слова достойны человека, женившегося на мне меньше года назад! Негодай!

– Ты подобрала мне подходящий эпитет! – парировал мужчина.

– Очень хочешь сделать меня злодеем?

– Не поняла, чем ты недоволен?

– Если бы я не женился на тебе, я имел бы титулованную жену и доход несколько тысяч в год!

– Но я могла бы иметь несколько десятков тысяч в год и мужа-лорда! Я носила бы корону, а ты не можешь мне купить лишнюю шляпку!

– Ах! Как жаль, что ты отказала своему лорду!

– Ах, как мне тебя жаль! Ты не женился на своей прекрасной леди! Получивший отпор Бенедикт,¹⁹ не в силах более продолжать эту словесную дуэль, опустил на стул и, расположив локти на столе, снова принялся тербить свои волосы.

Его оскорбленная, но торжествующая жена ходила взад и вперед по комнате подобно рассвирепевшей тигрице.

Они были прекрасной парой. Оба были щедро одарены природой: он красив, как Аполлон, а она прекрасна, как Венера. Если бы к этому еще прилагалось хорошее воспитание, они были бы самой прекрасной четой на земле. В данный момент он напоминал Люцифера, а она – разгневанную древнеримскую богиню.

Беседа проходила на английском языке; судя по акценту, и муж и жена приехали из Англии. По полу было разбросано множество предметов, взятых ими с собой в путешествие, и на многих стояло клеймо «Произведено в Англии». Сейчас же супруги находились в Нью-Йорке, снимая квартиру на втором этаже второразрядной гостиницы.

Это неудивительно. Великолепная пара только недавно прибыла в Нью-Йорк на пароходе, пересекающем Атлантику. Меловая таможенная надпись «О.К.» на их багаже была еще совсем свежа.

Если бы свидетелем их диалога стал кто-нибудь знакомый с британской жизнью, он мог бы прийти к некоторым выводам.

Мужчина, очевидно, – прирожденный джентльмен, но так же очевидно, что он воспитывался не в лучшей школе. Зато нет никаких сомнений, что он служил в британской армии. Несомненно и то, что теперь он там уже не служит, хотя отпечаток армейской жизни на нем все еще свеж. Ушел из армии он не по собственной инициативе, а после намека началь-

¹⁹ Имя героя комедии Шекспира «Много шума из ничего» – новобрачного, изменившего своему намерению никогда не жениться, – стало в английском языке нарицательным.

ника или после некоего «коллективного» письма сослуживцевофицеров с требованием уйти в отставку. Если он и был когда-то богатым, то все свои деньги спустил во время службы. Теперь он беден. Его внешность выдает в нем авантюриста.

Женщина, его жена, – вероятно, авантюристка не меньшая. Ее внешний вид и манеры, эффектное платье, несколько безрассудное выражение лица – все это знакомо каждому, кто хоть раз наблюдал за происходящим на Роттен Роу²⁰. В этой разгневанной красавице он без труда разглядит характерный тип анонимной наездницы – своеобразной «загадки сезона».

Так случается довольно часто. Красивый мужчина и красивая женщина – оба одинаково черствые сердцем – поддаются взаимной страсти, которая продолжается достаточно долго, чтобы сделать их мужем и женой, однако обычно заканчивается по истечении медового месяца. Так случилось и с ними.

Бурная сцена была для них далеко не первой, а лишь одной из многих. Подобные стычки случались почти ежедневно. После объяснения на некоторое время установилось относительное спокойствие, но долго оно продолжаться не могло. Темное грозное облако не может рассеяться без сильного разряда электричества.

Вот и теперь: жена, за которой осталось последнее слово, все же не удовлетворенная своей маленькой победой, возобновила беседу:

– И ты полагаешь, что мог жениться на своей леди – я знаю, кого ты имеешь в виду – на этой старой язве, леди К.? Точно! Вы были бы замечательной парой! Правда, она вполне могла лишиться своих передних зубов и проглотить их, целуя тебя. Ха! Ха! Ха!

– Леди К.? О чем ты говоришь? Моей женой была бы рада стать каждая вторая из знатных особ, и некоторые из них были не менее красивы и молоды, чем ты!

– Ты трепач и хвастун! Это ложь, и ты знаешь это! «Не менее красивы, чем я»! Как быстро ты сменил пластинку! Ты ведь прекрасно знаешь, что меня называли «красавицей Бромптона»! Слава богу, я не нуждаюсь в том, чтобы ты говорил о моей красоте. Мужчины, у которых вкус в десять раз лучше, чем у тебя, говорили мне это! И еще скажут...

Последние слова были произнесены напротив псише²¹, перед которым она остановилась, восхищенно разглядывая себя. В зеркале отражалась вся ее красивая фигура – наглядное подтверждение ее словам.

– Вполне возможно, – отозвался усталый повеса, растягивая слова, что выдавало его полное безразличие, может быть, искреннее, а может, напускное. – Я был бы не прочь, чтобы это тебе говорили другие.

– В самом деле? Тогда так оно и будет!

– О! Я готов к этому. Ничто другое не доставило бы мне большего удовольствия! Слава богу, мы прибыли в страну, где в этих вопросах люди руководствуются здравым смыслом и где легко, без лишнего шума можно получить развод, дешевле, чем где-либо еще! Пока продолжается наше путешествие, я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе в этом. Полагаю, мы вполне можем сказать в суде правду: мы не сошлись характерами.

– Чтобы терпеть твой характер, твоя супруга должна быть ангелом!

– Что ж, это точно не ты, тем более что ангелов на земле не существует.

– Ты просто хочешь меня оскорбить! О боже милостивый! И я связала свою жизнь с этим ничтожеством, который при первом удобном случае готов бросить меня!

– Бросить тебя? Ха! Ха! Ха! Кем ты была, когда я женился на тебе? Брошенной, никому не нужной вещью, если не сказать хуже! Самый черный день в моей жизни был тот, когда я решил подобрать тебя!

– Подлец!

²⁰ Роттен Роу – аллея для верховой езды в лондонском Гайд-Парке.

²¹ Псише – высокое зеркало на подвижной раме.

Слово «подлец», брошенное возмущенной женщиной, несомненно, предвещало бурю. Если джентльмен называет подлецом другого джентльмена, это почти всегда ведет к открытому столкновению. Когда джентльмена так называет леди, все, конечно, иначе, но все равно отношения резко изменяются. В данном же случае подобный всплеск эмоций предвещал скорое окончание ссоры.

Последовало резкое восклицание мужа, который, вскочив с места, стал нервно ходить взад и вперед по «своей» половине комнаты. Другую половину для подобных прогулок еще раньше облюбовала жена.

Не говоря больше ни слова, они ходили каждый в своем углу, то и дело бросая друг на друга сердитые взгляды, словно тигр и тигрица в одной клетке. Это продолжалось более десяти минут.

Мужчине первому наскучило это хождение, ему захотелось вернуться на свое место, он сел, вытащил сигару и прикурил.

Женщина, которая не хотела от него отставать ни в чем, тоже закурила – свою, тонкую «королевскую» – сигару и, опустившись в кресло-качалку, вскоре скрылась в облаке дыма. Теперь она напоминала Юнону²², почти невидимую из-за нимба.

Стороны перестали обмениваться взглядами (это стало невозможным), и молчание продолжилось еще десять минут или даже больше. Жена молча копила гнев, в то время как муж, казалось, был занят некоей серьезной проблемой, захватившей все его сознание. Вдруг с его губ сорвалось резкое восклицание – он нашел какое-то решение; и выражение его лица, едва заметного сквозь сигарный дым, говорило о том, что это решение его вполне удовлетворяет.

Держа сигару в зубах и выпуская облако дыма, он наклонился к жене и обратился к ней давно забытым, кратким, ласковым именем:

– Фан!

Имя и интонация, с которым оно было произнесено, казалось, говорили о том, что буря в его душе уже улеглась. Возможно, бушевавшее раздражение успокоил никотин. Жена, несколько удивленная таким эффектом, вынула «королевскую» сигару изо рта и голосом, в котором ощущались нотки прощения, ответила:

– Дик!

– Я хотел бы поделиться своей новой идеей, – сказал он, продолжая беседу в совершенно другой интонации. – Это великолепная идея!

– Весьма сомневаюсь. Что ж, посмотрим. Рассказывай. Я чувствую, что ты относишься к этому серьезно.

– Да, я очень серьезен, – ответил он без малейшего намека на сарказм.

– Ну, тогда давай послушаем.

– Итак, Фан, сейчас нам совершенно ясно, что, поженившись, мы допустили большую ошибку.

– Ну, это ясно как дважды два – по крайней мере мне.

– Тогда я ничем тебя не оскорблю, если возьму за основу подобную постановку вопроса. Мы поженились по любви – тем самым мы совершили самую большую глупость, какую только могли позволить себе.

– Я думаю, что мне об этом известно лучше, чем тебе. Что же нового ты хочешь сказать?

– Это было больше чем глупость, – повторил ее никчемный муж. – Это был акт полнейшего безумия.

– Вполне возможно, особенно с моей стороны.

²² Юнона – древнеримская богиня, супруга Юпитера.

– С обеих сторон. Ты ведь не будешь возражать, что я ныне очень раскаиваюсь в том, что ты моя жена. Хотя бы потому, что я нарушил твои перспективы – хотя бы то, что ты могла бы выйти замуж за более богатого джентльмена.

– Ага, так ты признаешь это?

– Да, я признаю. Но и ты ведь должна признать, что я мог бы жениться на более богатой леди.

– На леди Старая Язва, например.

– Неважно. Леди Старая Язва могла бы предотвратить эту язву нашей совместной жизни, которая с каждым днем становится все глубже. Как тебе известно, я промотал почти все свое состояние, у меня ничего не осталось, кроме навыков игры в карты. Я отправлялся сюда со смутной надеждой, что здесь меня встретят наивные голуби, а ястребы остались по ту сторону Атлантики. Что же получилось на самом деле? Обнаружилось, что самый бесхитростный обитатель нью-йоркского салона будет самым хитрым в Лондоне! Я уже спустил добрую сотню фунтов без всякого шанса вернуть их обратно.

– Ну, и что из этого следует? Что за великолепная идея посетила тебя?

– Итак, ты готова выслушать ее?

– Какая любезность с твоей стороны – спросить моего разрешения! Говори! А вот соглашусь ли я с твоей идеей – это уже другой вопрос.

– Хорошо, Фан, ты своими собственными словами подтвердила, что не будешь упрекать меня за то, что я скажу.

– Если это только твоя идея, что тут бояться? Однако какие мои слова ты имел в виду?

– Ты сказала, тебе было очень жаль, что я не женился на леди.

– Да, я сказала. Ну и что с этого?

– Больше, чем ты могла подумать. Значение этих слов для меня очень важно.

– Я подразумевала только то, что сказала.

– Ты сказала это в запале злости, Фан.

– Я это сказала вполне серьезно.

– Ха-ха! Я-то знаю, что это было бы слишком хорошо для тебя!

– Слишком хорошо? Ты себе льстишь, я думаю. Возможно, когда-нибудь ты поймешь свою ошибку.

– Ничего подобного. Ты любишь меня настолько, Фан, насколько я об этом знаю. Я сказал все это только для того, чтобы сделать свое предложение.

– Да ну тебя! Я все равно не стану любить тебя больше. Ну, Дик, ты хотел сказать мне что-то? Давай уже!

– Я хочу попросить у тебя разрешения...

– Разрешения на что?

– Жениться повторно!

Жена его последних двенадцати месяцев застыла в недоумении, как пораженная выстрелом. В ее взгляде читались гнев и удивление.

– Ты говоришь об этом серьезно, Дик?

Она спросила это автоматически. Она и так видела, что он был вполне серьезен.

– Подожди, я сейчас поясню свою мысль, – ответил он и приступил к разъяснению.

Она терпеливо слушала.

– Собственно, я хотел предложить вот что. Ты предоставляешь мне свободу жениться повторно. Кроме того, ты помогаешь мне практически осуществить это – для нашей общей выгоды. Мы сейчас находимся в стране, которая как раз подходит для подобного действия; и я – без ложной скромности – именно тот человек, который может использовать эту ситуацию. Эти янки – богатые люди. И среди них имеется много наследниц крупных состояний.

Было бы странно, если б я не выбрал одну из них себе в жены! Не могут же они быть изящнее и красивее тебя, Фан, так же как не могут не заметить моей привлекательности!

Этот «комплимент», как ни странно, не встретил возражений. Жена позволила говорить дальше и продолжала слушать молча.

– Было бы глупо закрывать глаза на нынешнее положение вещей. Никто из нас не виноват. Мы сами себя одурачили. Твоя красота помешала мне полностью раскрыть свои возможности в жизни, да и моя довольно симпатичная внешность – я уже говорил об этом – сделала то же самое с твоей жизнью. Это были взаимная любовь и взаимное крушение надежд – одним словом, обманулись мы оба.

– Истинная правда! Продолжай!

– Какая у нас перспектива? Я, сын бедного пребендаря²³, а ты... хорошо, это сейчас неважно, мы говорим о сегодняшних делах нашей семьи. Мы приехали сюда в надежде улучшить наше положение. Но земля молока и меда²⁴ на самом деле оказалась полной злобы и горечи. Мы имеем на сегодня одну сотню потраченных фунтов. Что мы будем делать, когда они кончатся, Фан?

Фан нечего было ответить на это.

– Мы можем ожидать здесь разве что некоторого уважения к нашему аристократическому происхождению, – продолжал муж-авантюрист. – Мы здесь потратили наличные деньги, но что мы можем иметь взамен – я или ты? Я не умею ничего, разве что управлять лошадьми, развозящими пассажиров, а ты – разве что смогла бы настроить свое музыкальное ухо на восприятие звуков швейной машинки или шипящего прессы. О небеса! Нам неоткуда ждать помощи!

Бывшая красавица Бромптона, потрясенная открывшейся перспективой, встала с кресла-качалки и снова начала ходить туда-сюда по комнате.

Внезапно она остановилась, и, повернувшись к мужу, спросила:

– Скажи мне, Дик, ты не собираешься меня бросить? Вопрос был задан серьезным, нетерпеливым тоном. Также серьезен был и ответ:

– Конечно, не собираюсь. О чем речь? Как ты можешь сомневаться во мне, Фан? Мы оба одинаково заинтересованы в этой сделке. Ты мне можешь абсолютно довериться!

– Что ж, тогда я соглашусь на эту авантюру. Но страх, что ты предашь меня, будет по-прежнему со мной.

Дик ответил на угрозу легкой улыбкой; и тут же страстным поцелуем в губы успокоил ту, которая сомневалась в нем.

²³ Пребендарий – духовное лицо, управляющее церковным округом и получающее с него доход.

²⁴ «Землей молока и меда» в Ветхом Завете образно называется Земля обетованная.

Глава VII

ПОСЛУШНАЯ ДОЧЬ

– Офицер только недавно вернулся из Мексики. Капитан, или что-то в этом роде, служивший в одном из полков, воевавших там. Конечно, он без роду и племени.

Такое заключение они слышали от вдовы владельца магазина.

– Может быть, ты случайно знаешь его имя, мама? – пробормотала Джулия.

– Конечно, моя дорогая. Клерк сказал мне, что он зарегистрирован в гостинице под именем Майнард²⁵.

– Майнард! Если это тот самый капитан Майнард, о котором пишут во всех газетах, он не может быть без роду и племени! О нем пишут совсем другое. Он участвовал в героической осаде С., кроме того, он отличился в битве на мосту в другом месте с труднопроизносимым названием!

– Героические штурмы и мосты! Это никак не поможет ему теперь, когда он вышел в отставку из своего расформированного полка. Конечно, ни на какую пенсию или другие выплаты он не может рассчитывать, и теперь его беда – пустые карманы. Я это слышала от слуги, который был при нем.

– Он достоин сожаления после всего этого!

– Жалей его сколько твоей душе угодно, моя дорогая, но не позволяй развиваться своим чувствам. В жизни герои хороши, когда у них есть доллары, когда им есть на что существовать. Но без денег они ничто, и богатые девушки не выходят за них замуж.

– Ха! Ха! Ха! Кто это думает о замужестве с ним? – спросили одновременно дочь и племянница.

– Никакого флирта с ним, – серьезно ответила миссис Гирдвуд. – Я не позволю вам этого. С ним – ни за что.

– Но почему не с ним? А с кем-то другим можно, дорогая наша мама?

– Есть множество причин, чтобы избегать флирта с ним. Мы совершенно не знаем, кто он. Кажется, он практически ни с кем здесь не знаком, и никто его не знает. Он неизвестен в этом городе, и, наверное, он ирландец.

– О тетя! Я не вижу в этом ничего плохого. Мой отец также был ирландцем!

– Неважно, откуда он происходит, но это – храбрый и галантный человек, – присоединилась Джулия.

– А также красивый! – добавила Корнелия, бросив лукавый взгляд на кузину.

– Я полагаю, – продолжила Джулия, – что человек, который поднялся на утес – не говоря уже о том, что он пересек бурлящий поток, – и который потом, с риском для жизни, вытянул вверх из пропасти двух молодых леди не самого легкого веса – может обойтись без того, чтобы быть представленным обществу. Даже так называемым его сливкам – Дж., Л. и мисс Б.

– Пфф! – презрительно воскликнула мать. – Любой джентльмен на его месте сделал бы то же самое, и сделал бы это для любой леди. Вы сами знаете, что он не сделал никакого различия между вами и Кецией, которая весит почти столько же, сколько и вы!

Услышав это замечание, обе молодые леди едва не упали от смеха. Они хорошо запомнили, как все было: после того как они были спасены, они обратили внимание на стран-

²⁵ Можно предположить, что повесть эта отражает некоторые стороны жизни автора – именно поэтому Майн Рид назвал главного героя похожим именем. Обратите также внимание: Майнард воевал, как и автор, в Мексике.

ное, нелепое выражение лица негритянки, которую вытаскивали наверх по гребню утеса. Конечно, если бы не она была последней из спасаемых, им не было бы так смешно.

– Ну хорошо, девочки, я рада видеть, что вам это доставляет удовольствие. Смейтесь, сколько хотите, но я говорю вполне серьезно. Не только ни о каком бракосочетании не может быть и речи, но и о четвертой его части – никакого флирта! Я не хочу слышать никаких разговоров об этом! Что касается тебя, Корнелия, я не собираюсь как-то тебя контролировать. Ты можешь поступать, как считаешь нужным.

– А как же я? Я не могу? – сразу же отреагировала впечатлительная Джулия.

– Да, ты тоже можешь, моя дорогая. Ты можешь выйти замуж за Майнарда или за кого-нибудь еще, того, кто возбуждает твоё воображение. Но если ты сделаешь это без моего согласия, тебе достанутся в будущем лишь деньги на мелкие расходы. И помни, что твой отец оставил мне миллион, чтобы я обеспечила твою жизнь.

– Это действительно так!

– Да! Но если ты будешь поступать мне назло, я проживу еще тридцать долгих лет, а может, и пятьдесят, – сколько смогу!

– Хорошо, мама. Я не стану отрицать, что ты все это говоришь искренне. Если я не буду слушаться тебя, надо признать, меня ждет замечательное будущее.

– Так ты будешь меня слушаться, Джулия? – сказала миссис Гирдвуд, уговаривая свое дитя. – Или не будешь? Ты знаешь лучше меня: если твоя дорогая мать чему-то тебя учит, это не пустая трата времени или желание сказать неприятное. Кстати, о времени, – вдруг вспомнила «дорогая мать», достав часы, висящие на поясе, и взглянув на них. – Через два часа начнется бал. Идите в комнату и переоденьтесь.

Корнелия, подчиняясь приказу, вышла в коридор и, проскользнув по нему, вошла в квартиру, где она жила с кузиной.

Джулия, напротив, вышла на наружный балкон.

– Черт бы побрал эти балы! – сказала она, зевая. – В тысячу раз лучше было бы мне пойти спать вместо этого удовольствия!

– Но почему, глупое дитя? – спросила мать, ее сопровождавшая.

– Мама, ты знаешь почему! Это будет так же, как в последний раз – я одна среди этих наглых людей! Я их ненавижу! Как бы я хотела их чем-нибудь оскорбить!

– Ближе к ночи ты сумеешь это сделать, дорогая. – Но как, мама?

– Надев мой головной убор с алмазами. Это последний подарок, который мне сделал твой дорогой отец. Это стоило ему двадцать тысяч долларов! Если бы мы могли показать им чек на покупку алмазов, где указана эта цена, как бы заблестели их глаза от зависти! Впрочем, неважно; я думаю, они догадаются о стоимости и без чека. Этого, моя девочка, вполне достаточно, чтобы оскорбить их!

– Нет, этого недостаточно.

– Недостаточно? Алмазы, которые стоят двадцать тысяч долларов! Другой такой диадемы нет в Штатах! Да что говорить – нет ничего подобного во всем мире! Поскольку алмазы сейчас вошли в моду, это будет для тебя бесконечным триумфом; ты в любом случае будешь вполне удовлетворена. Возможно, когда мы вернемся сюда снова, мы сможем продемонстрировать алмазы в еще более привлекательном виде.

– Каким образом?

– Геральдическая корона! – склонившись к уху дочери, прошептала мать.

Джулия Гирдвуд начинала беседу словами, которые полностью соответствовали ее собственным мыслям. Выросшая в атмосфере неограниченного богатства, она легко получала любую роскошную вещь, которую запросто можно было обменять на золото. Но было и такое, чего нельзя купить ни за какую цену – вхождение в некий мистический круг, называемый «обществом», или иначе – «сливками общества».

Даже в непринужденной, легкой атмосфере пляжа она чувствовала, что она чужая. Она находила, так же, как ее мать, что Ньюпорт – слишком фешенебельный район для нью-йоркских торговцев, однако он достаточно хорош в плане продажи ими различных товаров. То, что сказала мать только что, было воплощением некоей мечты, поражавшей воображение, и слово «корона» произвела на Джулию большой эффект в плане отказа от капитана Майнарда, чем самая продолжительная лекция матери.

И мать хорошо это понимала. Она не хотела запретами пробудить в своей дорогой Джулии огонь романтического неповиновения.

В этот момент матери пришло в голову, что победу надо закрепить, и она продолжала по пути домой ковать железо, пока горячо.

– Да, корона, моя дорогая, а почему бы и нет? Есть много лордов в Англии и подобных им во Франции, и большинство из них с радостью ухватилось бы за такое предложение. Миллион долларов и твоя красота – ты не должна краснеть при этом, дочь – две вещи, которые редко встречаются вместе, уж во всяком случае они не каждый день появляются на улицах Лондона или Парижа. Это подарок любому принцу! А теперь, Джулия, еще пару слов. Я искренне хочу сказать тебе правду. С этой целью, и только с ней, я хочу показать тебя Европе. Ты должна дать мне обещание сохранить свое сердце свободным и отдать руку человеку, которого я выберу для тебя. И тогда я подарю вам на свадьбу половину состояния, оставленного мне твоим отцом!

Девушка колебалась. Может быть, она думала о своем спасителе? Но если она и думала о Майнарде, то интерес к нему был слишком слаб, чтобы бороться с такими заманчивыми предложениями. Майnard не смог бы так позаботиться о ней. И, обдумывая предложение, она не видела особых трудностей для принятия решения.

– Я говорю об этом совершенно серьезно, – продолжала убеждать ее честлюбивая мать. – Настолько серьезно, насколько ты чувствуешь отвращение к положению, в котором мы здесь находимся. Я считаю, что эти малоизвестные потомки «подписавших Декларацию» должны считать за честь жениться на моей дочери! Но! Ни один из них не женится без моего согласия.

– Без твоего согласия, мама, и я не выйду замуж.

– Я знала, что ты умная, послушная девушка! И ты получишь свадебный подарок, который я тебе обещала. А сегодня вечером ты не только должна надеть мои алмазы, но – я настаиваю – чтобы ты всем сказала, что они принадлежат тебе. А теперь зайдем в комнату, и я тебе их дам!

Глава VIII

АРИСТОКРАТ ИНКОГНИТО

Свой диалог мать и дочь вели у окна квартиры миссис Гирдвуд. Ночь была беззвездная и тихая, очень благоприятная для любителей подслушивать чужие разговоры. Вот и здесь нашелся невольный слушатель.

В комнате выше и правее в этот день поселился джентльмен. Он прибыл в Нью-Йорк на корабле ночным рейсом и зарегистрировался в отеле под именем Свинтон, предварив имя скромным «mr²⁶», а после своего имени приписал: «с лакеем». Его лакеем был темноволосый и темнолицый юноша, одетый в ливрею для путешествий.

В Ньюпорте, скорее всего, мистера Свинтона никто не знал. Большую часть дня он потратил на осмотр этого маленького города, основанного Коддингтоном. Достопримечательностей здесь было много.

Несмотря на то что он здоровался почти со всеми отдыхающими, очевидно было, что он ни с кем не знаком и его тоже никто не знает. В Ньюпорте было принято здороваться в знак уважения даже с незнакомцем, который выглядит джентльменом и проходит в сопровождении хорошо одетого и почтительного слуги.

Встречные, отвечая на его приветствия, думали:

«Какой представительный приезжий».

Вся внешность мистера Свинтона подтверждала гипотезу. Это был джентльмен лет приблизительно тридцати, и все говорило о том, что эти годы он прожил довольно приятно. Среди глянцевого завитка его темно-рыжих волос невозможно было обнаружить ни одного седого; и если бы вороний коготь коснулся его лица, след этого когтя невозможно было бы найти под хорошо ухоженными бакенбардами, соединенными с усами, – короче говоря, под обильной растительностью на его лице, которой отличались джентльмены, служившие в английской конной гвардии. И в городе, и в гостинице его принимали только за англичанина.

Так называемый чайный ужин закончился, незнакомец от нечего делать выглядывал из окна своей спальни, находившейся на четвертом этаже, и спокойно курил сигару. Между ним и его слугой только что состоялся разговор, из которого можно было бы сделать вывод о снисходительности господина и даже нескольких дружеских отношениях, установившихся между ним и лакеем. Теперь слуга без стеснения развалился на диване, а хозяин, опираясь локтями на подоконник, продолжал распространять вокруг себя сигарный дым и запах никотина, который смешивался с морским воздухом, пахнувшим йодом и водорослями.

Тихая, спокойная обстановка способствовала таким же мыслям, и мистер Свинтон размышлял:

«Чертовски хорошее место! Дьявольски симпатичные девочки! Надеюсь, я найду здесь такую, которая привыкла сорить деньгами, и поразвлекусь с ней вволю. Бывают и старые ведьмы, у которых денег вдоволь – правда, потребуется время, чтобы распознать это. Дайте мне только взглянуть на ее рог изобилия, и если я не сумею его повернуть узким концом вверх, то тогда... тогда я поверю тому, что говорят об этих дамах-янки: они берегут свой кошелек еще более строго, чем их скромные кузины в Англии. Есть несколько наследниц, о которых я слышал. Одна или две имеют некоторую часть миллиона... долларов, конечно. Пять долларов составляют один фунт. Надо подумать... Миллион долларов – это две сотни тысяч фунтов. Неплохо! Такая сумма стоит того, чтобы за нее попотеть, даже половина этой

²⁶ Сокращение от «мистер».

суммы стоит. Интересно, эта красивая девушка, при которой постоянно крутится ее мать, – насколько она умна? Небольшой любовный роман, красивый, как спектакль, вполне мог бы соблазнить ее. Ах! Кого я вижу внизу? Женские тени в открытом окне, этажом ниже. Если бы они только вышли на балкон, я смог бы расслышать, о чем они говорят. Я хотел бы услышать небольшой женский скандал. Если они, эти женщины, скандалят так же, как и на другой стороне Атлантики, стоило бы их послушать. Ей-богу! Они выходят! Как раз то, что мне надо».

Это произошло в тот момент, когда Корнелия удалилась в свою комнату, а миссис Гирдвуд вслед за дочерью вышла на балкон, чтобы продолжить начатую в комнате беседу.

Благодаря ночной тишине и хорошей акустике мистер Свинтон слышал каждое сказанное ими слово – даже самый слабый шепот.

Чтобы его наверняка не увидели, он спрятался за венецианскую ставню и, стоя напротив открытого окна, слушал разговор, как опытный шпион.

Когда разговор был окончен, он выглянул наружу и увидел, что молодая леди зашла в комнату, но ее мать все еще оставалась на балконе.

Спокойно, не создавая шума, он отошел от окна, вызвал слугу и поговорил с ним в течение нескольких минут низким голосом, немного торопясь; очевидно, он давал слуге некие важные указания. Затем хозяин надел шляпу и, набросив на плечи легкий сюртук, поспешил удалиться из комнаты.

Слуга последовал за ним спустя некоторое время.

И вот – через несколько десятков секунд англичанина можно было увидеть прогуливающимся с равнодушным видом возле балкона напротив, в нескольких футах от того места, где стояла, наклонившись над перилами, богатая вдова.

Джентльмен не предпринимал никаких попыток заговорить с нею. Он не представлен этой женщине, и такую попытку она могла расценить как бестактность. Отчасти поэтому лицо англичанина было обращено не к ней, а к морю, и он спокойно рассматривал маяк на скале Корморант, уже не освещенной солнцем, но продолжающей сверкать в темноте ночи. В этот момент невысокая фигура возникла позади него. Человек кашлянул, словно пытаясь привлечь внимание англичанина. Это был слуга.

– Мой лорд, – сказал он низким голосом, но достаточно громко, чтобы быть услышанным миссис Гирдвуд.

– А, Франк... Что случилось?

– Какой костюм ваша светлость изволит надеть на бал?

– М-м-м... м-м-м... блестящий черный, разумеется. И белый галстук.

– А какие перчатки, ваша светлость? Белые или желтоватые?

– Желтоватые, цвета соломы. Слуга, поправив шляпу, удалился.

«Его светлость», как назвал лакей мистера Свинтона, продолжил, как казалось, спокойно рассматривать Корморант.

Зато вдова, купившаяся на эту приманку, более не могла оставаться спокойной. Волшебные слова «мой лорд» проникли ей душу. Живой, настоящий лорд находится в шести футах от нее. Боже мой!

У дамы есть привилегия – она может заговорить первой и прервать неловкое молчание. Миссис Гирдвуд не замедлила этой привилегией воспользоваться.

– Сэр, я полагаю, вас почти никто не знает ни в Ньюпорте, ни в этой стране?

– О да, мадам, это на самом деле так. Я приехал в эту чудесную страну последним пароходом. В Ньюпорт прибыл только утром, баржей из Ньюарка.

– Надеюсь, вашей светлости понравится Ньюпорт. Здесь его считают фешенебельным и популярным курортом с отличным пляжем.

– О, здесь замечательно, я считаю, замечательно. Но послушайте, мадам, вы называете меня «ваша светлость». Можно спросить, чем я обязан такой чести?

– О сэр, как я могла назвать вас иначе после того как услышала, как называет вас ваш слуга?

– А, Франк, этот бестолковый парень! Черт бы его побрал! Простите меня, мадам, за эти грубые слова. Я очень сожалею об этом. Дело в том, что я путешествую инкогнито. Вы, мадам, понимаете, насколько это глупо – особенно в этой свободной стране – взять и выдать меня? Настоящий болван, ручаюсь вам!

– Без сомнения. Я вас отлично понимаю, мой лорд.

– Благодарю вас, мадам! Я полагаюсь на вас. Но я хотел бы попросить еще об одном одолжении. Из-за глупости своего слуги я полностью в вашей власти. Я полагаю, что разговариваю с настоящей леди. Конечно, я уверен в этом.

– Я надеюсь на это, мой лорд.

– Тогда, мадам, хочу попросить у вас об одолжении. Сохраните мою маленькую тайну, этот мой небольшой секрет. Но, может, я прошу у вас слишком многого?

– Нисколько, сэр, совсем немного.

– Вы обещаете мне?

– Да, я обещаю вам, мой лорд.

– Вы оказываете мне очень большую любезность! Сто тысяч благодарностей, мадам! Я буду вам очень признателен. Скажите, вы собираетесь пойти на бал сегодня вечером?

– Да, я как раз собиралась пойти туда, мой лорд. Я пойду с дочерью и племянницей.

– О-о! Я надеюсь, буду иметь удовольствие увидеть вас там. Я не был знаком здесь ни с кем, и только сейчас познакомился с леди. Я выхожу из заточения, или, иначе говоря, теперь мне есть с кем общаться, я смогу лучше познакомиться с обычаями этой страны.

– О сэр, вы не должны чувствовать себя здесь посторонним. Если вы захотите танцевать и пригласите на танец мою племянницу или дочь, могу вам обещать, что они будут счастливы оказаться с вами рядом!

– Мадам, вы просто поражаете меня своим великодушием.

На этом разговор закончился. Подошло время надевать платье для бала, и они распрощались: лорд – с низким поклоном, леди – с подобострастной любезностью, – чтобы скоро увидеться вновь, в танцевальном зале при свете люстр.

Глава IX

ПЕРЕД БАЛОМ

В фешенебельном пляжном районе Нового Света Терпсихора²⁷ так же привлекательна, как и в Свете Старом.

В танцевальном зале, в который допускаются отнюдь не только представители высшего света, у постороннего джентльмена практически нет возможности принять участие в таком танце, как кадриль. Гости, давно знающие друг друга, занимают места заранее, и зал во время бала обычно переполнен – посторонний, решивший потанцевать, просто не найдет себе свободного места. А распорядители на балу обычно больше заняты личными делами, чем теми почетными заботами, к которым их обязывает роза или лента в петлице.

А вот когда танцуют в кругу, у незнакомца больше шансов присоединиться к танцу. Для этого надо просто найти себе одну партнершу, и надо быть последним неудачником, чтобы не получить согласие какой-нибудь девушки, ожидающей приглашения.

Именно так обстояли дела и в танцевальном зале Ньюпорта.

Молодой офицер, недавно вернувшийся из Мексики, почувствовал себя вот таким чужаком. Он был чужим для общества в той стране, за которую сражался, еще в большей степени, чем в той, против которой воевал!

К тому же он был всего лишь путешественником – наполовину бродягой, наполовину авантюристом – и странствовал скорее по необходимости, чем для своего удовольствия.

Танцы среди незнакомых людей – достаточно скучное занятие для путешественника, если только танец не принадлежит к числу вольных, самые простые из которых – моррис²⁸, танец в масках или фанданго²⁹.

Майнард знал, по крайней мере догадывался, что в Ньюпорте, как и в других местах, бытуют описанные выше порядки. Тем не менее он решил пойти на бал. Отчасти из любопытства, отчасти – чтобы убить время, и все же не в последнюю очередь – чтобы получить шанс еще раз встретиться с девушками, с которыми он познакомился при таких необычных обстоятельствах.

С тех пор он видел их несколько раз – за обеденным столом и в других местах, но только издали, без малейшего шанса вступить с ними в разговор, нарушающий этикет знакомств.

Он был слишком горд для того, чтобы самому возобновлять отношения с ними, это они должны были решить для себя и предложить ему познакомиться поближе.

Но девушки не сделали этого! Прошло два дня, а они не проявляли к нему никакого интереса – ни разговором, ни посланием, ни поклоном или выражением благодарности!

– Что я могу ожидать от таких людей? – говорил себе отставной офицер. – Они, должно быть, очень большие...

Он собирался сказать «снобы», но его остановила мысль, что так не говорят о леди.

Кроме того, как можно назвать таким словом Джулию Гирдвуд! (Он постарался узнать ее имя, и это ему удалось.) Подобный эпитет идет к ней еще менее, чем к графине или королеве!

При всей своей храбрости он не мог справиться с чувством обиды, тем более сильным, что образ Джулии Гирдвуд постоянно преследовал его. Куда бы он ни шел, ее прекрасное лицо и стройная фигура были у него перед глазами.

²⁷ Терпсихора – в древнегреческой мифологии муза танца.

²⁸ Моррис – английский народный танец.

²⁹ Фанданго – испанский народный танец, исполняемый в паре.

Чем объяснить безразличие – неблагодарное безразличие с ее стороны?

Он помнил, что девушки просили его молчать обо всем там, на утесе. Может быть, желание скрыть произошедшее все объясняет? Майнард видел девушек только в сопровождении опекающей их матери – очень серьезной дамы. Может быть, они скрывают все от матери? И именно поэтому держатся от него на расстоянии?

Объяснение было вполне логичным, и ему приятно было думать, что дело обстоит именно так. Более того, Майнард один или два раза встречал глазами темные глаза Джулии, особенный, пристальный взгляд, направленный на него. Но как только девушка замечала его ответный взгляд, она сразу же отводила глаза в сторону.

Внезапно Майнард вспомнил Гамлета:

Я это представленье и задумал,
Чтоб совесть короля на нем суметь
Намеками, как на крючок, поддеть.³⁰

Бал! Он способен был объяснить этот маленький секрет, и, возможно, некоторые другие. Майнард знал, что встретит там всех троих – мать, дочь и племянницу! Было бы странно, если бы он не смог представиться им на балу; а если даже и не сможет – есть стюарды, обслуживающие бал.

И он пошел на бал, одевшись модно и с большим вкусом – в то время либеральная мода допускала белый жилет, правда, время летит быстро, как метеор, – и в наше время уже опять носят только черные.

Бал был объявлен открытым.

Экипажи останавливались на площади около «Океанхауза», и самые разнообразные виды шелка зашелестели по коридорам этого караван-сарая.

В большом зале, где обычно обедали постояльцы гостиницы, было освобождено место (в результате получился танцевальный зал, достойный Терпсихоры), откуда были слышны негармоничные звуки настраивания скрипок и продувания труб тромбонов.

Семья Гирдвуд явилась с большим *e'clat*³¹ – мать была одета подобно знатной герцогине, хотя и без алмазов. Алмазы блестели на лбу Джулии и на ее белой как снег груди – в комплект входили диадема и ожерелье с кулонами.

Она была одета иначе, чем обычно и, надо признать, выглядела превосходно. Кузина была одета более скромно, и красота Джулии затмевала ее.

Миссис Гирдвуд допустила просчет: она приехала слишком рано. Конечно, в зале уже находились некоторые из богатых и представительных господ, но это были организаторы и распорядители бала, имеющие некоторую, полуофициальную власть. Они, собравшись в группы, разглядывали в лорнеты прибывающих посетителей. Семья Гирдвуд должна была следовать на свое место в другой конец зала под пристальными взглядами любопытных.

Дамы проделали это с достоинством и имели успех, хотя не обошлось и без надменных взглядов некоторых присутствующих, сопровождавшихся такими словами, сказанными шепотом, что если бы дамы это услышали, некоторое смущение постигло бы их.

Если не считать простых танцевальных вечеров, это был второй ньюпортский бал, в котором участвовали мадам Гирдвуд и ее подопечные. От первого они не получили удовольствия, особенно Джулия.

³⁰ Перевод Б. Л. Пастернака.

³¹ *E'clat* (фр.) – великолепие, блеск.

Теперь у них была более приятная перспектива. Мадам Гирдвуд появилась, облеченная доверием мистера Свинтона, знаменитого инкогнито, с которым она лично беседовала совсем недавно.

Она видела этого джентльмена и до знакомства с ним в течение дня: он ведь не сидел, запершись, в своей комнате. У нее хватило наблюдательности заметить, что он достаточно красив: прекрасное лицо и стройная фигура. И волосы его тоже имели достаточно аристократический вид! А как же иначе? Она одна знала причину – точнее, она и ее дочь, которой мать, конечно же, сообщила доверенную тайну. Это, конечно, было нарушением данного обещания, но настолько мелким, что ее не за что слишком строго осуждать.

Она знала последнее местопребывание «лорда» – Канада, как он сказал ей, – откуда он совершил краткое путешествие в Нью-Йорк за свои деньги.

Она надеялась, что в танцевальном зале никто не успеет познакомиться с ним – по крайней мере, до тех пор, пока она не познакомит с ним свою семью и не начнет представлять его другим.

Миссис Гирдвуд имела все основания надеяться на успех. Вдова владельца магазина, она тем не менее обладала тончайшим необходимым матери чутьем на хороших женихов. Такое чутье не является национальным – им в равной степени могут обладать жительницы Нью-Йорка или Лондона, Вены или Парижа. Сейчас же она поддалась первому впечатлению – с «компромиссами», которые ему сопутствовали. В соответствии с придуманным ею планом она проинструктировала свою дорогую Джулию, как одеться и подобрать украшения к балу.

Дочь обещала слушаться мать во всем. Да и как тут не слушаться, если на кону – получение алмазов, стоящих двадцать тысяч долларов?

Глава X

ПРЕДЫДУЩЕЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Что может быть невыносимее ожидания танцев на балу? Это состояние самое тягостное, какое только может быть.

И какое облегчение наступает, когда дирижер наконец поднимает палочку, на миг возникает напряженная тишина – тут притихнет и дикарь – и вдруг танцевальный салон наполняется великолепными звуками!

Долгожданный миг принес облегчение миссис Гирдвуд с ее подопечными. Они уже начали чувствовать себя тягостно, чувствуя, что привлекают *слишком большое внимание*. К тому же Джулия начала подозревать, что является объектом циничных пересудов, и не только из-за надетых на нее алмазов.

Плохо скрываемая злоба переполняла ее, и эта злоба только нарастала, когда в зале сложились пары танцующих, но ни ее, ни кузину никто не приглашал.

В этот момент появился джентльмен, совершенно изменивший ход ее мыслей. Это был Майнард.

Несмотря на предупреждение матери, мисс Гирдвуд не могла равнодушно глядеть на него. Даже если бы Джулия видела Майнарда впервые, она все равно обратила бы на него внимание: это был самый красивый джентльмен в зале, и вряд ли здесь появится кто-то красивее его.

Он шел от входа и, очевидно, направлялся к тому месту, где расположилось семейство Гирдвуд.

Джулия ждала: подойдет ли он к ним? Ей хотелось надеяться, что это случится.

– Мама, я ведь могу потанцевать с ним, если он меня пригласит?

– Пока нет, дорогая, пока нет. Наберись терпения и жди. Его светлость лорд – мистер Свинтон – может прийти в любой момент. Первый танец ты должна отдать ему. Интересно, почему его еще нет? – нервничала нетерпеливая мать, десятый раз оглядывая салон в лорнет. – Видимо, приходит рано неприлично такой важной персоне. Но несмотря на это ты, Джулия, должна быть свободна к его приходу. Так что жди до последнего момента.

Тем временем «последний момент» настал. Вступительный танец закончился, пространство наполнилось шепотом и шелестом нарядов, джентльмены передвигались по залу. Скользя по блестящему полу, они подходили к дамам в широких юбках, галантно кланялись и, протягивая руку, произносили стандартную фразу: «Разрешите вас пригласить». На что со стороны леди следовала демонстрация некоторой нерешительности, возможно, просмотр регистрационной карточки, легкий малозаметный наклон головы, после чего дама неохотно вставала с места и наконец принимала предложенную руку с таким видом, будто некая высшая сила одобрила ее выбор.

Ни одна из опекаемых мадам Гирдвуд молодых леди не была приглашена к участию в подобной пантомиме. Конечно, виной тому была плохая работа стюардов: в зале не было столь красивых и нарядных леди, как юные кузины Гирдвуд, а ни один джентльмен не выражал желания потанцевать с ними. То, что девушки оказались в положении отвергнутых, – явно случайность.

Вдова владельца магазина начала понимать, что попала в положение не из приятных. Теперь она чувствовала, что придется умерить свои требования к возможным партнерам. И если лорд так и не появится, пожалуй, можно будет принять приглашение бывшего офицера.

– Придет ли он вообще? – размышляла она вслух, имея в виду Свинтона.

– Подойдет ли он к нам? – думала Джулия, и мысли ее были о Майнаرده.

Она не могла отвести от него глаз. Этот красивый джентльмен приближался очень медленно. Ему мешали пары, спешащие занять свои позиции для танца. Но Джулии было заметно, что он смотрел на них – на нее саму и на кузину, – туда, где они стояли.

Он приблизился к ним и, очевидно, не решался подойти, спрашивая разрешения взглядом.

Только увидев в глазах молодых леди поддержку, он решился подойти поближе и поприветствовал их поклоном.

Обе они возвратили ему поклон, возможно, более тепло, чем он ожидал. Девушки, казалось, были свободны. Кому из них предложить себя в качестве партнера? Он хорошо знал, с кем хочет танцевать, но следовало соблюсти правила приличия. Однако вдруг оказалось, что выбора уже нет.

– Джулия, моя дорогая, – сказала мадам Гирдвуд, представляя дочери довольно элегантно одетого господина, который только что обратился к одному из ее стюардов. – Я надеюсь, ты свободна для этой кадрили? Я обещала танец с тобой этому джентльмену. Мистер Смитсон – моя дочь.

Джулия взглянула мельком на Смитсона, и по взгляду ее стало ясно, что она желает нехотати возникшему партнеру оказаться как можно дальше отсюда. Но Джулия все еще не была занята, и ей пришлось принять предложение.

Чтобы еще какой-нибудь мистер Смитсон не опередил его, Майнард поспешил пригласить Корнелию, образовав с ней таким образом «альтернативную пару».

По-видимому, удовлетворенная таким поворотом событий, мадам Гирдвуд вернулась на свое место.

Однако спокойствие и удовлетворение происходящим быстро ее покинули. Не успела она сесть на подушку, как заметила подошедшего к ней джентльмена знатного происхождения, в желтоватых, цвета спелой соломы лайковых перчатках. Это был не кто иной, как «его светлость» лорд инкогнито.

Мадам Гирдвуд сразу же вскочила с места и начала оглядывать зал, ища глазами своих девочек. Ее взгляд выражал отчаяние: уже ничего не поправишь – кадрили началась. Мистер Смитсон танцевал «вправо-влево» с ее дочерью. Черт бы побрал этого мистера Смитсона!

– Ах, мадам! И снова мне не везет! Бал начался, я опоздал и пропустил кадрили.

– Да, это так, мистер Свинтон, вы пришли немного поздно, сэр.

– Как жаль! Я полагаю, ваши молодые леди уже заняты?

– Да, они танцуют вон там.

Мадам Гирдвуд показала туда, где танцевали девушки. Мистер Свинтон посмотрел в лорнет на танцующих. Его глаза блуждали в поисках дочери мадам Гирдвуд. О племяннице он не думал. Найдя Джулию, он обратил внимание на ее партнера.

Взглянув на него лишь однажды, он, казалось, остался вполне доволен. Мистер Смитсон не был для него серьезной помехой.

– Надеюсь, мадам, – сказал он, поворачиваясь к матери, – что мисс Гирдвуд не расписала свою карточку на весь вечер?

– О, сэр, конечно нет!

– Полагаю, следующий танец – я смотрел программу, это вальс – я буду иметь честь вальсировать с нею? Могу ли я рассчитывать на ваше покровительство в случае, если было дано предыдущее обязательство?

– Насколько я знаю, обязательств нет. Я обещаю вам, что моя дочь будет счастлива танцевать вальс именно с вами, сэр.

– Благодарю вас, мадам! Тысяча благодарностей!

И, уладив это обстоятельство, приятный знатный дворянин продолжил разговор с дочерью владельца магазина в таком дружеском тоне, будто она была ему равной по положению.

Госпожа Гирдвуд была восхищена им. Насколько этот истинный представитель британского дворянства любезнее и благороднее всех этих выскочек из Нью-Йорка или Бостона! Ни Старый Доминион, ни Южная Каролина не смогли бы взрастить такого замечательного джентльмена! Какой подарок судьбы, что он вовремя оказался на ее пути! Благослови бог этого «болвана Франка», этого камердинера его светлости!

Таким образом, Франк вполне мог рассчитывать на подарок, который мадам Гирдвуд уже мысленно определила для него.

Джулия была занята кем-нибудь на следующий танец? Конечно нет! Ни на следующий, ни через один. Она должна танцевать с этим джентльменом всю ночь, сколько бы он ни пожелал. Это должно быть именно так! Как бы она хотела освободиться от данного ему обещания и позволить всему Ньюпорту узнать, что мистер Свинтон – лорд!

Подобные мысли одолевали мадам Гирдвуд – конечно, она их не высказывала вслух.

В кадрили партнеры танцуют друг напротив друга. Улучшив момент, Майнард воспользовался этим и пригласил Джулию Гирдвуд на вальс. Договорившись, они разошлись в разные стороны. И уже менее чем через минуту в одной части зала можно было наблюдать группу, состоящую из двух леди и двух джентльменов, которые, казалось, разрешали некоторый спор.

Это были мадам Гирдвуд с дочерью и два джентльмена – мистер Майнард и мистер Свинтон.

Все четверо только что оказались вместе; двое джентльменов обошлись без того, чтобы обменяться приветствием или поклонами, но зато обменялись взглядами, в которых читалась как достаточно высокая доля взаимного признания, так и некоторая антипатия.

Мадам Гирдвуд пришла в некоторое замешательство и потому не обратила на это внимание. Но зато дочь ее все видела достаточно отчетливо.

Что за проблема возникла у них? Дальнейший разговор объяснит это.

– Джулия, моя дорогая, – послышались слова мадам Гирдвуд, – я заняла тебя на первый вальс мистеру Свинтону. Мистер Свинтон – это моя дочь.

Едва закончилось это представление, как выступил Майнард, требуя выполнения предыдущего обещания танцевать именно с ним. И в это время заиграла музыка.

Джентльмены обменялись злобными взглядами, продолжавшимися только секунду, и молодой офицер, овладев собой, направился к мисс Гирдвуд, протягивая ей руку и приглашая на танец.

Та под грозным взглядом матери, казалось, колебалась: принять ли предложение?

– Извините мою дочь, сэр, – сказала мадам Гирдвуд, – но она уже занята.

– В самом деле? – воскликнул экс-капитан, с удивлением посмотрев на мать и поворачиваясь к дочери для объяснения.

– Я думаю, что нет, мама, – ответила Джулия в нерешительности.

– Но ты занята, дитя мое! Ты же знаешь, что я обещала тебя мистеру Свинтону еще раньше, чем начался бал. Это недоразумение! Надеюсь, сэр, вы простите ее?

Последние слова были адресованы Майнарду.

Он еще раз посмотрел на Джулию. Та все еще пребывала в нерешительности. Но взгляд ее говорил: «Простите меня...»

Прочитав этот взгляд, Майнард сказал:

– Ну что ж, если мисс Гирдвуд желает этого, я освобождаю ее. Он снова устремил взгляд на ее лицо, следя за движением губ. Губы не двигались – она молчала!

Молчание – знак согласия. Старая пословица пришла ему на ум, неблагоприятный для него ответ так поразил Майнарда, что он быстро отвесил поклон остальной троице, повернулся и покинул их. Вскоре он исчез, затерявшись среди танцующих.

Через шесть секунд после произошедшего Джулия Гирдвуд уже кружилась по залу, и ее влажная щека прислонилась к плечу человека, никому не известного, но танцующего так, что все им восхищались.

«Кто этот необыкновенный незнакомец?» – такой вопрос задавали себе все присутствующие, и даже Дж., Л. и мисс Б. Шепотом, конечно.

Мадам Гирдвуд готова была заплатить тысячу долларов, чтобы удовлетворить их любопытство, – настолько она желала сразить всех тем фактом, что дочь ее танцует с лордом!

Глава XI

СТРАСТИ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Недалеко от стойки администратора, где постояльцы оплачивают счета, в холле «Океанхауза» был небольшой бар.

Это было аккуратное, темное помещение, частично находящееся под землей, куда вела лестница. О наличии этого питейного заведения знал только ограниченный круг поклонников Бахуса.

В этой подземной части гостиницы разговоры джентльменов, имеющих пристрастие к алкогольным напиткам, могли быть чрезвычайно грубыми, и поэтому не предназначались для нежных ушей прекрасных сильфид, которые проплывали по коридорам этажом выше.

Место, несомненно, должно было дополнять такое приличное, благородное заведение, как «Океанхауз», более приспособленный к аскетическому укладу жизни Новой Англии.

Пуритане предпочитали пить спиртные напитки «втихую».

В ночь бала этот бар пользовался особым успехом не только среди постояльцев «Океанхауза», но и среди жителей других гостиниц, а также окрестных «коттеджей».

Терпсихора – измученное жаждой существо – лучший клиент Бахуса, и, закончив очередной танец, она обычно посылает толпу поклонников к святому месту этого веселого бога.

В том зале «Океанхауза», где проходил бал, можно было заказать лишь легкие спиртные напитки: шампанское, некрепкие вина с желе и со льдом, – но только в подземелье разрешалось выпить чего-нибудь покрепче, выкурив при этом сигару.

Именно по этой причине многие джентльмены в перерывах между танцами устремлялись по лестнице, ведущей в подземный бар.

Среди них был и Майнард, поспешивший уединиться под покровительством питейного заведения.

– Стакан бренди! – потребовал он, остановившись у стойки бара.

– Подумать только, Дик Свинтон! – говорил он вполголоса, ожидая, пока принесут напиток. – Значит, это правда, что он был изгнан из своего полка. И он вполне заслужил это, как я и ожидал. Черт бы побрал этого проходимца! Интересно, каким ветром принесло его сюда? Некий вояж карточного шулера, я полагаю – набег хищника на это голубиное гнездо Америки! Возможно, он пользуется покровительством мадам Гирдвуд и, без сомнения, преследует ее дочь. Интересно, как ему удалось представиться Гирдвудам? Я готов держать пари, что они не подозревают, кто он на самом деле.

– Стакан бренди, мистер!

– Ну хорошо, – продолжал он, когда бренди со льдом и мятой немного снял его внутреннее напряжение. – Это не мое дело. После того, что произошло, я не собираюсь вмешиваться. Они еще увидят настоящее лицо этого человека. Мое предостережение будет лишним. Пусть случится небольшая неприятность, я просто должен молчать и не обвинять этого молодчика, хотя я выложил бы двадцать долларов за право лишний раз щелкнуть его по носу!

Капитан Майнард не был ни склочным, ни злопамятным. Мысли его были вызваны оскорблением, произошедшим совсем недавно, и связанным с этим душевным волнением.

– Это, должно быть, была воля матери, которая предпочла выбрать в женихи мистера Свинтона, а не меня. Ха! Ха! Ха! Если б она только знала его так, как знаю его я!

Последовал еще один большой глоток из стакана с бренди.

– Но девушка была согласна с мамой. Это совершенно ясно, иначе почему она так спешила дать мне ответ? Ради Дика Свинтона! О дьявол!

И еще треть стакана была выпита.

– Пусть меня повесят, если я сдамся сейчас! Они могли бы подумать, что я капитулировал перед ним, если бы я не вернулся в танцевальный зал. Но что я там буду делать? Я ни с кем из других дам в зале не знаком, я буду безуспешно искать какую-нибудь несчастную одиночку, а они будут смеяться надо мной. Неблагодарные создания! Пожалуй, я зря так несерьезно отнесся к маленькой блондинке. Я мог бы снова танцевать с ней. Но нет! Я не доставлю им удовольствия, не стану к ним приближаться. Я, пожалуй, доверюсь стюардам – они подыщут мне партнершу.

Он еще раз поднял стакан и поднес к губам, допивая остатки.

После этого он поднялся по лестнице и, прогулявшись, вернулся в танцевальный зал.

Ему повезло со стюардами. Он сразу наткнулся на незнакомого ему джентльмена, с помощью которого нашел не одну девушку, которую мог бы пригласить.

В результате он участвовал в каждом из танцев – вальсе, кадрили, польке и чечетке – он танцевал с приятными во всех отношениях дамами, некоторые из которых считались одними из самых красивых в зале.

При таких обстоятельствах, как казалось, он должен был забыть о Джулии Гирдвуд.

И все же он не забыл о ней.

Странно, что она до сих пор привлекала его. Были другие дамы, возможно, не менее красивые, чем она, но в пестрой толпе танцующих глаза его постоянно искали ту, которая принесла ему одни огорчения. Он видел, как она танцует с человеком, которого он имел серьезные основания презирать, – она танцевала с ним долго, всю ночь, и все восхищенные взоры присутствующих были обращены к этой паре.

С болью в сердце смотрел Майнард на эту прекрасную леди, но еще горше ему было наблюдать, как она что-то шепчет на ухо Ричарду Свинтону и прислоняется щекой к его плечу, а после этого они кружатся по залу, не отрываясь друг от друга.

И снова он возвращался к своей прежней мысли: «Я готов выложить двадцать долларов, чтобы иметь право лишний раз щелкнуть его по носу!»

Он не знал, как это сделать, и тем более не знал, чего это будет ему стоить, но все же был близок к этому.

Возможно, он нашел бы способ сделать это, но тут как раз вовремя произошло событие, успокоившее экс-капитана.

Он стоял у входа, недалеко от того места, где формировались пары. Миссис Гирдвуд и ее подопечные покидали танцевальный зал, Джулия при этом опиралась на руку Свинтона. Когда она проходила мимо Майнарда, он заметил, что и взгляд ее направлен на его старого знакомого. Майнард хотел разгадать значение этого взгляда: он выражал презрение? Или нежность, влюбленность? Но экс-капитан не мог разобрать этого.

Джулия Гирдвуд обладала редкой для своего возраста способностью скрывать чувства.

Внезапно, как будто подчинившись какому-то решительному порыву, или, возможно, испытывая сильную потребность в раскаянии, она отпустила руку партнера и слегка отстала от него. Свинтон продолжил удаляться с ее матерью и кузиной. Немного отойдя в сторону, чтобы подойти поближе к Майнард, она быстро, полупрошептом сказала ему:

– Как нехорошо с вашей стороны было покинуть нас!

– В самом деле?

– Вы должны вернуться и объясниться, – добавила она с укоризной. – Я не могу помочь вам сделать это.

Прежде чем Майнард успел ответить, она ушла, но брошенный ею упрек неприятно отозвался в его ушах.

– Какая странная эта девушка! – пробормотал он удивленно. – Во всяком случае, чудачка! Пожалуй, не стоит обвинять ее в неблагодарности. Наверное, все произошло под влиянием матери.

Глава XII

ПОСЛЕ БАЛА

Бал уже почти закончился; утомленные, обессиленные танцующие спешно покидали танцевальный зал. Красавицы-леди уже покинули его, и среди них – Джулия Гирдвуд. Только заядлые танцовщики, все еще не уставшие, продолжали упорно вальсировать. Для них танцы до рассвета были истинным наслаждением.

Майнарду же не было никакого резона оставаться в зале после того, как мисс Гирдвуд ушла. По правде говоря, он и до этого находился там только из-за нее. Но в таком душевном состоянии, с такими противоречивыми чувствами было очень мало шансов уснуть, и он решил, прежде чем вернуться в свою спальню, еще раз отметить в заведении Бахуса.

С этой целью Майнард снова спустился по лестнице, ведущей в подвальный бар.

Спустившись туда, он обнаружил, что его уже опередили некоторые джентльмены, также спустившиеся сюда из танцевального зала. Они стояли, собравшись в группы, – пили, курили и вели беседу.

Лишь мельком взглянув на них, Майнард подошел к стойке и заказал себе крепкий напиток – на сей раз он удовлетворился простым бренди с водой.

В ожидании, пока принесут напиток, он обратил внимание на голос кого-то из трех человек, занявших, подобно Майнарду, столик перед стойкой бара и разместивших там свои бокалы.

Говоривший стоял спиной к экс-капитану, но ему достаточно было взглянуть на бакенбарды, чтобы узнать Дика Свинтона. Собеседников его Майнард также узнал – это были те самые пассажиры гребной лодки, чью собаку он ранил из своего пистолета.

Мистер Свинтон, очевидно, недавно с ними познакомился, возможно, этим вечером; и они, похоже, так любезно его приняли, будто либо знали его ранее, либо совсем недавно узнали, что он был лордом!

Он разговаривал с ними с тем замечательным акцентом, который, очевидно, должен был подчеркнуть в нем английского дворянина; но на самом деле – карикатуриста и богемного бумагомарателя, которому обращение «мой лорд» подходило так же, как английскому крестьянину.

Майнард находил это немного странным. Но он уже немало лет не имел дела с этим человеком и счел, что стиль речи мистера Свинтона, вероятно, изменился под влиянием времени.

Из того, что Свинтон и оба его слушателя общались довольно тепло и дружески, можно было сделать вывод: они уже провели некоторое время перед стойкой, при этом достаточно выпили, чтобы не замечать новых посетителей, и поэтому совершенно не обратили внимания на вошедшего Майнарда.

Он также не заметил бы их, если б не услышал слова, касающиеся, очевидно, его самого.

– Между прочим, сэр, – сказал один из незнакомцев, обращаясь к Свинтону, – если не секрет, что это за маленькая стычка, происшедшая с вами в танцевальном зале?

– Ай-ай, о какой стычке ты говоришь, мистер Лукас?

– Было что-то странное – как раз перед первым вальсом. Участвовали в этом темноволосая девушка с алмазной диадемой – та самая, с которой ты так много танцевал, мисс Гирдвуд ее зовут, как я полагаю, – и великолепный господин с усами. А также, кажется, старая леди. Мы с другом случайно оказались рядом и видели, что между вами произошла некая сцена. Так ли это?

– Ну что ты? Никакой сцены не было. Только и всего, что господин хотел кружиться в вальсе с этим божественным созданием, но леди предпочла ему вашего скромного слугу. Вот и все, что было, джентльмены, я вас уверяю.

– Мы думали, что у него с тобой произошло некое столкновение. Происшедшее было дьявольски похоже на это.

– Не со мной. Я полагаю, недоразумение произошло между ним и молодой леди. Действительно, она дала ему предыдущее обязательство, которое не было записано в ее карточке. С моей стороны – я не имел никаких претензий к молодому господину – абсолютно никаких – даже не заговорил с ним.

– И все же ты глядел на него со злобой, так же, как и он на тебя. Я подумал, что ты собираешься столкнуться с ним, так же, как и он с тобой.

– Ай-ай, он меня понял, – «так же, как и тот господин».

– Значит, ты знавал его и прежде?

– Чуть-чуть, совсем немного – много лет тому назад.

– В стране, откуда ты родом, наверное? Он, кажется, англичанин.

– Нет, ничего подобного. Он проклятый ирландец. Уши Майнарда загорелись.

– Что же было с ним много лет назад? – спросил более молодой знакомый Свинтона, которой не уступал в любопытстве своему старшему товарищу.

– Что было с ним? Ай-ай, дружище, ничего, абсолютно ничего.

– Никакого занятия или профессии?

– О да; когда я знавал этого господина, он был лейтенантом в пехотном полку. Один из самых бесполезных людей в корпусе, насколько я знаю. Мы бы такого в свой полк не приняли.

Пальцы Майнарда нервно задергались.

– Конечно нет, – продолжила «важная персона». – Я имею все основания, джентльмены, так полагать, потому что являюсь гвардейцем – драгуном ее величества.

– Значит, он служил у вас в одном из полков, сформированных до начала мексиканской войны. Вы знаете, почему он оставил службу?

– Господа, я не привык болтать об инцидентах, случившихся с моими сослуживцами. Я обычно осторожен в таких вопросах, очень осторожен.

– О, конечно, довольно об этом, – откликнулся задавший вопрос. – Я потому только спросил, что мне кажется немного странным: офицер нашей армии вынужден оставить службу.

– Если бы мне было известно хоть что-нибудь похвальное об этом господине, – продолжил гвардеец, – я был бы счастлив сообщить вам об этом. К сожалению, ничего хорошего я вам сказать не могу. К большому сожалению, ничего.

Мускулы Майнарда, особенно на правой руке, сильно напряглись. Совсем немного требовалось для того, чтобы он вмешался в беседу. Еще одной подобной реплики было вполне достаточно, и, к сожалению для себя, мистер Свинтон ее произнес.

– Все это правда, джентльмены, – сказал он; обилие выпитого, очевидно, лишило его возможности соблюсти свойственную ему предосторожность. – Правда в том, что господин лейтенант Майнард, или капитан Майнард, как я полагаю, не сам ушел в отставку – его изгнали из британской армии. Что конкретно произошло, я не знаю, но знаю, что это правда.

– Это ложь! – закричал подошедший Майнард, резким движением снял перчатку со своей руки и полоснул ею по щеке клеветника. – Это наглая ложь, Дик Свинтон! И если вы не опровергнете это, как надлежит вам сделать, вы будете способствовать распространению ложных слухов. Никогда не было того, о чем вы говорите, и вы это знаете, негодяй!

Щека Свинтона стала белой, как перчатка, которой его ударили; но это было скорее проявлением трусости, чем гнева.

– Ай, действительно! Так вы были здесь и все слышали, Майнард! Хорошо, хорошо... я же и сказал, что это неправда. А вы назвали меня негодяем! И ударили меня своей перчаткой!

– Я повторю эти слова и снова ударю вас. Я плюну вам в лицо, если вы не возьмете свои слова обратно!

– Взять свои слова обратно!

– Да! И довольно разговоров! Я даю вам время, чтобы вы взяли свои слова обратно. Моя комната номер 209, на четвертом этаже. Я надеюсь, что вы найдете друга, которому не составит труда подняться ко мне. Вот моя визитка, сэр!

Свинтон взял визитную карточку дрожащими пальцами. В то же время соперник, презрительно взглянув на него и его дружков, подошел к противоположной стойке бара, хладнокровно допил свой стакан и без единого слова пошел к лестнице, ведущей наверх.

– Ты встретишься с ним, не так ли? – спросил старший из компаньонов Свинтона.

Это был не очень корректный вопрос, но, судя по всему, человек, его задавший, вообще не беспокоился о деликатности.

– Конечно, конечно, – ответил ему гвардеец ее величества конной гвардии, не обращая внимания на бестактность. – Проклятый осел, свалился на мою голову, тоже мне! – продолжил он, размышляя. – Я здесь чужой, нет у меня друзей...

– О, об этом, – прервал его Лукас, хозяин собаки-нюфаундленда, – не беспокойся. Я буду счастлив быть твоим секундантом.

Человек, с такой готовностью предложивший свои услуги, был самым что ни на есть отъявленным трусом, которого только можно было найти в этой фешенебельной гостинице, – разве что Свинтон мог с ним сравниться. Лукас и сам был заинтересован в дуэли с капитаном Майнардом, но рассудил, что безопаснее оставаться на вторых ролях.

Не в первый раз брал он на себя подобную роль. Уже дважды в прошлом поступал он таким образом, блефуя и создавая много шума вокруг себя, – такое поведение окружающие по ошибке принимали за храбрость. В действительности он был трусом; и хотя неприятные воспоминания о столкновении с Майнардом мучили его, он позволил себе оставить эту обиду без ответа. Ссора его соперника со Свинтоном подоспела вовремя и была ему на руку.

– Я или мой друг всегда к твоим услугам!

– С удовольствием, – согласился его напарник.

– Благодарю вас, господа, благодарю обоих! Это очень любезно с вашей стороны! Но, – продолжил Свинтон, колеблясь, – я должен, к сожалению, отказаться от помощи вас обоих в моем неприятном деле. У меня есть некоторые старые друзья в Канаде, служившие со мной в полку. Я телеграфирую им. И этот господин должен будет подождать. А теперь к черту все это! Давайте забудем все и пропустим еще по стаканчику.

Все это было сказано довольно хладнокровно, так, что даже все выпитое уже не могло оправдать отговорку. Да, это действительно была всего лишь отговорка, чтобы выиграть время и избежать дуэли с Майнардом.

Был некоторый шанс избежать дуэли, если бы не было свидетелей, но если слух об этом дойдет до чьих-либо ушей, то не останется ничего другого, кроме как принять вызов.

Такие мысли мелькали в голове мистера Свинтона, пока готовили и подавали новые горячительные напитки для всей компании.

Новый стакан коснулся его пересохших и побелевших губ, между ним и его знакомыми продолжилась пустая беседа, и мистер Свинтон на время забыл о своих ужасных мыслях.

Это забвение продолжалось какое-то время, поскольку он выпил больше, чем предполагал, и выпитое успокоило его. Однако часом позже, когда он поднялся наверх, даже алкогольный туман в голове не мог стереть четкое и ясное воспоминание о его столкновении с «проклятым ирландцем»!

Когда он вернулся в свою комнату, весь его аристократизм внезапно улетучился. Так же, как и связная речь. Его разговоры напоминали теперь бред простого пьяницы. Они были адресованы камердинеру, все еще способному выслушивать их.

Малый вестибюль на одной из сторон его квартиры был, как предполагалось, спальней этого пользующегося доверием слуги. Судя по диалогу, который последовал, слуга действительно пользовался доверием настолько, что незнакомый человек был бы весьма удивлен, услышав все это.

– Очень славную ночь ты провел! – сказал камердинер тоном скорее хозяина, чем слуги.

– Точно... точ... ик!.. Ты говоришь правду, Франк! Н-нет, совсем не славная ночь. Совсем наоборот – п... п... п... поганая ночь!

– Что ты имеешь в виду – что ты напился?

– Им... имею в виду! Я имею в виду эти д... дурацкие игры. Черт побери! Отличный шанс! Никогда не делайте этого. Миллион долларов! Все пропало – этот дьявольский господин!

– Какой господин?

– Будь он проклят – я его видел... встретил на балу... бал... бар... ниже. Давайте еще выпьем! Крепкие напитки повсюду... вокруг... кто принесет этот дурацкий напиток?

– Попробуй выразиться яснее! Что ты хочешь этим сказать?

– Что я хочу сказать? Что сказать? О н... ик... о нем.

– О нем! О ком?

– Кто... кто... кто... кото... Майнард. Ты, конечно, знаешь Майнарда? Он из тридцатого... тридцатого... неважно, из какого... полка. Это неважно... Он здесь... пр... пр... проклятая злая собака.

– Майнард здесь! – воскликнул камердинер довольно странным для слуги голосом.

– Это точно он! Живой и здоровый, черт бы его побрал! Явился в полном здравии, чтобы испортить все – он всегда все портит.

– Ты уверен, что это он?

– Уверен, уверен! Я так думаю. Он дал мне серьезный повод не сомневаться в этом – проклятие на его голову!

– Ты говорил с ним?

– Да, да.

– Что он сказал тебе?

– Сказал он немного... немного... что он явился... что он сделал.

– Что?

– Дьявол! много... да, да. Не стоит сейчас думать об этом. Давай ляжем спать, Франк. Я расскажу тебе обо всем утром. Это игра. Это Юп... Юпитер.

Не в состоянии более продолжать беседу, и тем более не в состоянии раздеться, мистер Свинтон повалился на кровать поперек и, свесившись вниз, вскоре захрапел.

Могло показаться странным, что слуга лег на кровать рядом с ним, однако он именно так и сделал.

Уважаемый читатель еще больше удивится, если узнает, что маленьким камердинером была его жена, а вместе с тем это именно так!

Да, это была его любезная «Фан», она и разделила таким образом кушетку со своим пьяным мужем.

Глава XIII

ВЫЗОВ С ПОСЫЛЬНЫМ

«Откровенно говоря, я совершил большую глупость, – рассуждал молодой ирландец, когда вернулся в свою спальню и опустился на стул. – Не было никакой необходимости так поступать. Такая болтовня, тем более что Дик Свинтон здесь чужой, никак не могла бы мне повредить. Конечно, здесь его никто не знает; и это, кажется, играет ему на руку; без сомнения, он готов обобрать половину таких богатых голубков, как те, что были с ним недавно.

Вполне вероятно, что он наврал кое-что подобное про меня и матери этой девушки – впрочем, и про себя также. Наверное, поэтому со мной обращались так невежливо! Тогда хорошо, что я поймал его за руку, и я заставлю его раскаяться в своем вранье. Был изгнан из британских войск! Проклятая злая собака, прогавкавшая эту сплетню про меня! Противно даже думать о таком. То, что я слышал, – факт из его собственной биографии! Воспоминания о собственном поведении, наверное, и натолкнули его на мысль сказать подобное. Думаю, он уже не служит в гвардии: иначе что он здесь делает? Гвардейцы не покидают Лондон без серьезной и обычно малоприятной причины. Я сделаю все, чтобы его опозорить. Он уже был на грани позора, как я слышал.

Он, конечно, будет драться на дуэли. Он не был бы Диком Свинтоном, если бы сам затеял поединок – я достаточно хорошо знаю этого пройдоху. Но я не оставил ему никакого шанса выкрутиться. Удар перчаткой по лицу, не говоря уж об угрозе плюнуть ему в лицо – при свидетельстве двух странных джентльменов! Если он не законченный трус, он не осмелится оставить все это без ответа.

Конечно, он вызовет меня, и что я буду после этого делать? Трое или четверо товарищей, с которыми я успел наладить хорошие отношения – все они не друзья мне, ни один из них. Кроме того, разве кто-нибудь обязан заботиться обо мне после такого недолгого знакомства?

Что же мне делать? Телеграфировать графу? – продолжил он размышлять после паузы. – Он сейчас в Нью-Йорке, я знаю, и я уверен, что он без промедления пришел бы мне на помощь. Это только бы восхитило его, старого рубаку, – теперь, когда мексиканская кампания завершилась, он рад был бы снова обнажить свой справедливый меч. Входите! Кто это бесцеремонно стучит в дверь честного джентльмена в столь поздний час?»

Еще не было и пяти часов утра. За окнами гостиницы можно было услышать стук колес экипажей, которые развозили по домам последних возвращающихся с бала гуляк.

– Наверяд ли Свинтон послал своего эmissара в такой час. Входите! За открывшейся дверью показался ночной портье, работник гостиницы.

– Ну, что вам угодно, мой дорогой?

– Один джентльмен желает видеть вас, сэр.

– Приведите его!

– Он просил меня, сэр, передать вам свои извинения за то, что потревожил в столь ранний час. Потребовал только потому, что у него к вам очень важное дело.

– Что за вздор! С чего это он говорит в таком духе? Друг Дика Свинтона более деликатный джентльмен, чем он сам?

Последняя реплика была сказана тихо и не предназначалась служащему гостиницы.

– Он сказал, сэр, – продолжил портье, – что прибыл пароходом...

– Пароходом?

– Да, сэр, пароходом из Нью-Йорка. Он прибыл только что.

– Да-да, я слышал гудок парохода. Ну, дальше?

– Тот, кто прибыл пароходом, – он думал... он думал...

– Черт побери! Любезный, не надо утруждать себя, передавая мне чужие мысли. Где он? Проведите его ко мне, и пускай он выскажется сам.

– Из Нью-Йорка? – продолжил Майнард после того, как швейцар удалился. – Кто же мог пожаловать ко мне оттуда? И что за важное дело, ради которого будят человека в половине пятого утра? – ведь он, наверное, полагал, что я сплю. На его счастье, я не в постели. Или столица Британской империи горит, и Фернандо Вуд, подобно Нерону, веселится на его руинах? Ба! Розенвельд!

– Майнард!

Они обменялись приветствием, по которому можно было понять, что они долго не виделись. Друзья обнялись – их пылкая давняя дружба не ограничилась простым рукопожатием. Оба – активные участники недавней мексиканской кампании, воевали бок о бок, немало пережили под градом пуль в нелегких сражениях. Их дружбу скрепил крайне тяжелый штурм Чапультепека³², когда смертельный столб огня, выпущенный из пушки, повалил их, стоявших вместе на вершине контрэскарпа³³, и их кровь смешалась, стекая в канаву.

С тех пор они и не видели друг друга. Поэтому неудивительно, что их встреча пробудила много воспоминаний и была очень трогательной.

Несколько минут ни один из них не был в состоянии сказать что-либо связное. Они обменивались лишь восклицаниями. Майнард первым сумел прийти в себя.

– Да благословит тебя Господь, дорогой мой граф! – сказал он. – Мой великий учитель военной науки. Как же я рад тебя видеть!

– Не меньше, чем я тебя, дорогой друг!

– Но скажи, какое дело привело тебя сюда? Я не ждал тебя, но вот странное совпадение: я как раз в этот момент думал о тебе!

– Я здесь, чтобы встретиться с тобой – и мне нужен именно ты!

– Ах! Для чего же, мой дорогой Розенвельд?

– Ты сказал, что я твой учитель военной науки. Пусть будет так. Но ученик теперь превзошел многих, включая и своего учителя, – он стал знаменит и известен повсюду. Именно поэтому я здесь.

– Выкладывай, что случилось, граф!

– Лучше прочитай вот это, чтобы избавить меня от долгих объяснений. Как видишь, письмо адресовано лично тебе.

Майнард взял запечатанный конверт, который вручил ему друг. На конверте было написано:

КАПИТАНУ МАЙНАРДУ

Вскрыв конверт, он прочитал:

«Комитет немецких беженцев в Нью-Йорке, ввиду последних известий из Европы, надеется, что светлые идеи свободы еще не подавлены на их древней родине. Они приняли решение снова вернуться туда и принять участие в борьбе, начатой в Бадене и Палатине. Впечатленные храбростью, показанной Вами в последней Мексиканской войне, и Вашим теплым отношением к нашим соотечественникам, воевавшим с Вами, а также зная Вашу приверженность идеям свободы, они единодушно решили предложить Вам возглавить это предприятие. Представляя себе опасность, которой Вы подвергнетесь, а также учитывая

³² Чапультепек – высокий холм на окраине центрального Мехико. В сентябре 1847 года здесь произошло крупная битва между американскими и мексиканскими войсками, вошедшая в историю под названием Сражение при Чапультепек.

³³ Контрэскарп (воен.) – искусственно созданный ров или берег реки, используемый для обороны.

Вашу храбрость, они могут Вам обещать, что никакая другая награда не заменит Вам всеобщей любви и благодарности немецкого народа. Мы не можем Вам предложить ничего, кроме доверия и всеобщей преданности. Ответьте нам, готовы ли вы принять это предложение».

Примерно полдюжины человек подписались под этим письмом, и Майнард бегло пробежал список. Он знал этих людей и слышал об их движении.

– Я принимаю предложение, – сказал он, подумав лишь несколько секунд. – Ты можешь вернуться и передать мой положительный ответ комитету.

– Вернуться и передать ответ! Мой дорогой Майнард, я приехал, чтобы вернуться с тобой!

– Я лично должен приехать?

– Сегодня же. Восстание в Бадене началось, и ты отлично знаешь, что революция не будет ждать. Важен каждый час. Они ждут твоего прибытия следующим пароходом. Я надеюсь, что ничто не сможет помешать тебе немедленно уехать? Или есть какая-то помеха?

– Да, это так, есть кое-что – я не могу уехать немедленно.

– Это случайно не женщина? Нет-нет! Ты выше этого.

– Нет, не женщина.

Майнард сказал это, но на его лице появилось странное выражение, как будто он что-то скрывал.

– Нет-нет! – продолжал он с натянутой улыбкой. – Не женщина. Это всего лишь один человек и всего лишь одно дело к нему.

– Объясни, капитан! Кто или что это?

– Хорошо, это просто ссора. Около часа назад я ударил одного человека по лицу.

– Ха!

– Сегодня вечером здесь, в гостинице, был бал.

– Я знаю об этом. Я встретил нескольких людей, покидавших бал. Ну и что же?

– Там была молодая леди...

– Я так и думал. Кто-нибудь когда-нибудь слышал о дуэли, в которой не была бы замешана леди, молодая или старая? Извини, что я тебя прервал.

– В конце концов, – сказал Майнард, очевидно, изменяя тактику, – я не должен был говорить тебе о ней. Она почти или совершенно непричастна к этому. Это произошло в баре уже после того, как бал закончился, и она в то время уже спала, как я полагаю.

– Тогда оставьте ее в покое, пусть себе спит.

– Я зашел в бар, чтобы взять стаканчик чего-нибудь покрепче и выпить на ночь. Я стоял у стойки, когда услышал, что кто-то произнес в разговоре мое имя. Трое людей находились вблизи от меня и вели довольно торопливую беседу; вскоре я выяснил, что разговор был обо мне. Они много выпили и не замечали меня. Одного из них я знал в Англии, когда мы оба служили в британских войсках. Двух других – я предполагаю, что они американцы – я впервые увидел приблизительно два дня назад. Я стал участником небольшой стычки с ними, о которой не буду распространяться, чтоб не отвлекать тебя; хотя я более чем наполовину был уверен, что они пришлют мне вызов на дуэль. Этого, однако, не произошло, и ты можешь себе представить, что это за типы. Мой знакомый по британской армии позволил себе вольности насчет моего характера, когда отвечал на вопросы своих собутыльников.

– Что же он им сказал?

– Сплошную ложь; и самым наглým оскорблением было то, что меня якобы выгнали из британской армии! В то время как это случилось именно с ним! После этого...

– После этого ты выгнал его из бара. Я полагаю, что ты потренировался на нем в ударах ногами!

– Нет, я не был столь груб. Я всего лишь ударил его по щеке перчаткой, а затем вручил ему визитную карточку. По правде говоря, когда мне сказали о твоём появлении, я подумал, что это его друг, а не мой; хотя, зная этого человека, я удивился, что он направил ко мне посыльного так скоро. Я рад, что пришел ты, граф. Я был в серьезном затруднении: я не знаком здесь ни с одним человеком, который смог бы стать моим секундантом. Я полагаю, что могу рассчитывать на тебя?

– О да, конечно, – ответил граф так беззаботно, как будто его просили угостить сигарой. – Но, – добавил он, – нет ли какого-нибудь способа избежать этой дуэли?

Этот вопрос ни в коей мере не был проявлением малодушия. Даже беглого взгляда на графа Розенвельда было достаточно, чтобы исключить подобное.

Сорока лет или более, с усами и бакенбардами, в которых только-только начала появляться седина, с настоящей военной выправкой – он с первого взгляда производил впечатление человека, имевшего в своей жизни богатую практику участия в самых жестоких дуэлях. И в то же время он не производил впечатления хулигана или задиры. Напротив, в его характере можно было обнаружить мягкость и доброту – но, когда было необходимо, он изменял им, проявляя твердость и бескомпромиссность.

Именно такая перемена произошла с ним сейчас, когда Майнард решительно ответил:

– Нет.

– Проклятье! – прошипел он по-французски. – Я возмущен! Подумать только, такое важное дело, как свобода всей Европы, должно пострадать от этой глупости! Правильно говорят, что женщина – проклятие человечества!

– Есть ли у тебя какие-либо соображения, – продолжил он после этой невежливой тирады, – когда этот господин пришлет своих секундантов?

– Это невозможно предсказать. В течение этого дня, я полагаю. Не должно быть никакой причины для отсрочки, насколько я понимаю. Небесам было угодно, чтобы мы с ним, хорошо знакомые друг с другом, оказались рядом в одной гостинице.

– Вызов пришлют через некоторое время, в течение дня. Стреляться или драться как-то по-другому вы будете, возможно, завтра утром. Отсюда нет железной дороги, а пароход отходит только раз в день, в семь часов вечера. Таким образом, мы потеряем целых двадцать четыре часа! Прокля-тье-е-е!

Граф Розенвельд произвел эти подсчеты вслух, теребя свои огромные усы и уставясь в одну точку под ногами.

Майнард молчал.

Граф продолжил свои несвязные речи, время от времени произнося громкие восклицания вперемешку на французском, английском, испанском и немецком языках.

– О, небеса, я знаю, что делать! – вдруг воскликнул он, вскочив с места. – Я знаю, Майнард, я знаю!

– Что с тобой, мой дорогой граф?

– Я знаю, как сэкономить время! Мы вернемся в Нью-Йорк на пароходе ближайшим вечером!

– Но не избежав дуэли! Я полагаю, что ты учел это в твоих расчетах?

– Конечно, учел! Мы будем участвовать в дуэли и все равно успеем вовремя.

Если бы Майнард не был тонким деликатным человеком, он сразу бы выразил свое сомнение. Но он просто попросил друга разъяснить ему подробности.

– Все очень просто, – ответил граф. – Ты был пострадавшим, и, таким образом, ты имеешь право выбрать время дуэли и вид оружия. Оружие сейчас неважно. Главное – время, которое нам так нужно сейчас.

– Ты хотел бы, чтобы я дрался сегодня?

– Хотел бы, и так оно и будет.

– А что, если вызов будет сделан слишком поздно – скажем, вечером?

– Caramba! – произнес граф распространенное мексиканское ругательство. – Я меньше всего думаю об этом. Вызов должен прибыть достаточно рано, если твой соперник – джентльмен. Я знаю, как вынудить его сделать это вовремя.

– Как именно?

– Ты напишешь ему, – то есть я напишу, что ты вынужден покинуть Ньюпорт сегодня вечером; очень важное дело внезапно заставляет тебя уехать отсюда далеко. Обратись к нему, чтобы он как человек чести прислал свой вызов немедленно, так, чтобы ты с ним успел сразиться. Если он откажется, то ты в соответствии со всеми законами чести будешь считаться свободным и сможешь уехать в любое время, когда пожелаешь.

– Это будет означать, что я сам вызвал его на дуэль. Будет ли это корректно?

– Конечно, будет! Я отвечаю за это. Все будет полностью соответствовать нормам – строго согласно кодексу.

– Что ж, тогда я согласен.

– Довольно! Я должен приступить к составлению письма. Это дело не совсем обычное, поэтому надо хорошенько подумать. Где у тебя ручка и чернила?

Майнард указал на стол, где были все необходимые письменные принадлежности.

Придвинув стул, Розенвельд сел за стол.

И вот, взяв ручку и быстро начертав на листе положенные этикетом начальные приветственные фразы, он продолжил далее сочинять письмо-вызов, как человек, сильно заинтересованный в том, чтобы письмо возымело действие. Думая о революции в Бадене, он изо всех сил стремился поскорее устроить своему другу предстоящую дуэль или освободить его от нее, чтобы они вместе смогли принять участие в борьбе за свободу на своей любимой родине.

Послание вскоре было написано, аккуратно скопировано, и копия вложена в конверт. При этом Майнард даже не было позволено прочитать письмо до конца!

Письмо было адресовано мистеру Ричарду Свинтону и передано ему служащим гостиницы в тот момент, когда в коридорах «Океанхауза» послышался громкий удар гонга, оповещающий гостей о начале завтрака.

Глава XIV

ПРОСЬБА УСКОРИТЬ ДУЭЛЬ

Первый же удар гонга прервал сон мистера Свинтона. Спрыгнув со своей кушетки, он принялся расхаживать по комнате большими шагами, слегка пошатываясь. На нем было то же платье, что и на вчерашнем балу, кроме перчаток цвета соломы.

Но он не думал ни о платье, ни о туалете. Он был слишком сосредоточен на другом предмете, чтобы отвлекаться на собственный вид. Несмотря на то что голова его сильно кружилась от вчерашней выпивки, он достаточно ясно помнил события прошедшей ночи. Да, он очень хорошо помнил все, что произошло.

Мысли его были самыми разнообразными. Майнард знал его давно, и, возможно, ему была известна неприятная и постыдная история, произошедшая со Свинтоном. Если бы его соперник предал эту историю огласке, великолепная идея Свинтона была бы загублена на корню.

Но это было ничто по сравнению с мыслями о его позоре – пятно на его лице от пощечины могло быть стерто лишь с риском для жизни.

Эта мысль приводила его в дрожь, и он продолжал ходить в тревоге по комнате. Его волнение было слишком заметно, чтобы он мог утаить это от жены. В его тревожном взгляде она видела, что произошло нечто ужасное.

– Что с тобой, Дик? – спросила она, положив руку на его плечо. – У тебя неприятности? Расскажи мне о них.

Сказано это было с нежностью и любовью. Все же сердце «симпатичной наездницы» еще сохранило частицу божественного дара, присущего женщине.

– Ты все еще думаешь о ссоре с Майнардом? – продолжила она. – Я права?

– Да! – ответил муж хриплым голосом. – Эта ссора зашла слишком далеко!

– Как все случилось?

В своем не совсем связном рассказе – после вчерашнего опьянения было бы странно, если бы Свинтон изъяснялся связно – он поведал жене все подробности, не скрывая ничего, даже собственного недостойного поведения в этой истории.

Было время, когда Ричард Свинтон не позволял себе так опускаться в глазах Франциски Вилдер. Время это прошло, закончилось раньше, чем их медовый месяц. Супруги ближе узнали друг друга, и это вылечило их от иллюзий по поводу друг друга, тех иллюзий, которые собственно и сделали их мужем и женой. Чистой и безупречной любви пришел конец, и они потеряли былую привлекательность в глазах друг друга. Собственно, Дикун такая потеря уважения к себе теперь была даже полезна, ибо он поделился своими бедами с преданной женой, чтобы как-то успокоить себя, хотя и чувствовал, что в ее глазах выглядит почти трусом.

Было бы глупо пытаться скрыть свой страх. Она уже давно обнаружила этот порок в характере мужа – и это, возможно, было главной причиной для нее сожалеть о том дне, когда она стояла с Диком у алтаря. Связь, которую она сохранила с мужем, была теперь всего лишь следствием обостренного чувства опасности и необходимости самосохранения.

– Ты ожидаешь, что он пришлет вызов? – спросила она. Как женщина, она, конечно, не знала всех тонкостей и правил этикета поединка.

– Нет, – ответил он, поправляя ее. – Вызов должен прийти от меня как от оскорбленной стороны. Если б только это было иначе... – продолжал он бормотать, рассуждая. – Как я ошибся, не вызвав его сразу, на месте! Если б это было сделано, все могло бы там и закончиться, а теперь все происшедшее загнало меня в угол, и я должен искать выход.

Он развернулся и направился в другой конец комнаты – и вдруг в его голову пришел выход. Исчезновение отсюда!

– Я мог бы упаковать вещи и убраться отсюда, – рассуждал он, подчиняясь своей трусости. – Что я теряю? Никто здесь меня пока еще не знает, никто не запомнил меня в лицо. Но мое честное имя? Они узнают обо всем. Он предаст это огласке, и позор будет преследовать меня повсюду! А шанс сделать себе состояние – неужели я должен его потерять? Я уверен, что у меня все получится с этой девочкой. Мать уже на моей стороне! Полмиллиона долларов сразу! Стоит отдать жизнь за это – по крайней мере, рисковать жизнью, да, клянусь небесами! Я все это потеряю, если уеду, и выиграю, если только останусь! Нет, идея уехать была безумна! Я уже сам прихожу в ужас от мысли, что мог последовать ей!

Он продолжил ходить по комнате, пытаясь укрепить остатки своей храбрости и готовность к борьбе, стараясь подавить трусливые инстинкты. Ведя таким образом борьбу с самим собой, он был очень удивлен визитом человека, неожиданно постучавшего в дверь.

– Посмотри, Фан, кто это может быть, – сказал он поспешно шепотом. – Подойди к двери, и, кто бы это ни был, не позволяй ему заглянуть вовнутрь.

Фан, все еще в одежде слуги, скользнула к двери, открыла ее и выглянула наружу.

– Наверное, официант принес мои ботинки или воду для бритья, – предположил мистер Свинтон.

Да, это был официант, но без ботинок и без воды. Вместо этого он принес письмо, которое было передано Фан, стоящей перед закрытой дверью. Фан обратила внимание, что письмо адресовано мужу. На нем не было никакого почтового штемпеля и, судя по всему, оно было написано недавно.

– Он кого это письмо? – спросила она небрежным тоном.

– Какое тебе до этого дело, ты, воробышек? – возразил служащий гостиницы, привыкший к пренебрежительному отношению к слугам английских джентльменов – как истинный американец, он презирал этих подданных Британской империи.

– О, мне нет до этого дела, – скромно ответил Франк.

– Если ты хочешь знать, – сказал его собеседник, меняя гнев на милость, – это от джентльмена, прибывшего сегодня утренняя парохомом – это представительный, темноволосяй господин, ростом около шести футов, с усами примерно шесть дюймов в длину. Я полагаю, твой хозяин с ним знаком. Во всяком случае, это все, что мне известно.

Не говоря больше ни слова, официант удалился для выполнения других своих обязанностей.

Фан вернулась в комнату и вручила послание мужу.

– Прибыл утренним парохомом? – сказал Свинтон. – Из Нью-Йорка? Конечно, только из Нью-Йорка, сюда другие парохомы не приходят. Кто из жителей Нью-Йорка мог иметь какое-либо дело ко мне?

Произнося последнюю фразу, он успел испугаться, что долги, сделанные в Англии, могли быть переданы ему в Америку. Передача документов. Ричард Свинтон знал, что адвокаты могут осуществлять такие сделки на гербовой бумаге и передавать документы друг другу через Атлантику. Может, это был один из его лондонских счетов, переправленных ему в Америку, за десять дней до его позора?

Он предполагал нечто подобное, прослушав диалог за порогом комнаты. И такое предположение не покидало его, пока он не вскрыл конверт и не начал читать письмо.

Прочел он следующее.

«Сэр, – как друг капитана Майнарда, знающий, что произошло между ним и Вами вчера вечером, я обращаюсь к Вам.

Обстоятельства важного – поверьте, крайне важного, – характера требуют его присутствия в другом месте, требуют, чтобы он срочно покинул Ньюпорт парохомом,

отправляющимся в восемь часов вечера. С настоящего момента и до этого времени есть двенадцать часов, и их достаточно для того, чтобы уладить пустяковый спор между вами. Капитан Майнард обращается к Вам как к джентльмену, с просьбой принять его предложение о как можно более скором проведении поединка с Вами. Если Вы не примете это предложение, то я и мой друг Майнард, в соответствии с кодексом чести, с которым я более или менее знаком, будем считать себя оправданными, и Майнард будет освобожден от каких-либо действий касательно этого дела, а Вы должны быть готовы опровергнуть любую клевету, которая может явиться результатом этого.

До семи тридцати вечера – с тем расчетом, чтобы мы за полчаса могли успеть на пароход – Ваш друг может найти меня в комнате капитана Майнарда.

*Ваш покорный слуга,
РАПЕРТ РОЗЕНВЕЛЬД
(граф Австрийской империи)».*

Свинтон дважды без остановок пробежал глазами это необычное послание. Как ни странно, содержание письма не расстроило, а успокоило Свинтона. Во время повторного чтения на его лице показалось даже что-то вроде довольной улыбки.

– Фан! – сказал он, пряча письмо в карман и торопливо поворачиваясь к жене. – Позвони и закажи бренди и соду, а также какие-нибудь сигары. И послушай меня, девочка: ради твоей жизни, не позволяй официанту сунуть свой нос в нашу комнату или заглянуть вовнутрь. Возьми у него поднос, как только он постучится в дверь. Скажи ему также, что я не в состоянии спуститься и позавтракать... что я заболел вчера вечером и сегодня утром чувствую себя неважно. Можешь добавить, что я лежу в кровати. Скажи все это ему конфиденциально, чтобы он тебе поверил. У меня серьезные причины просить тебя об этом. Так что будь внимательна и осторожна и ничего не перепутай.

Не говоря ни слова, послушная жена позвонила, и вскоре в дверь постучали.

Вместо разрешения «Войдите!», Фан, стоящая наготове у двери, вышла из комнаты, тщательно прикрыла за собой дверь и продолжала на всякий случай придерживать дверную ручку.

Официант, откликнувшийся на звонок, был тот самый веселый парень, назвавший ее воробышком.

– Немного бренди и соды, Джеймс. Со льдом, конечно. И постой... что еще? А! Немного сигар. Принеси полдюжины. Мой хозяин, – добавила она, не дожидаясь, пока официант повернется и уйдет, – не сможет спуститься на завтрак.

Это было сказано с улыбкой, которая пригласила Джеймса к дальнейшему разговору.

И улыбка сработала: уходя для того, чтобы выполнить заказ, он уже знал, что английский джентльмен из номера сто сорок девять лежит больной и беспомощный в своей кровати.

Все это совсем не удивило официанта. Мистер Свинтон был не единственным постояльцем, которого он сегодня обслуживал, кто в это особенное утро потребовал бренди и соду. Джеймс был очень доволен этим, поскольку он мог получать дополнительные чаевые.

Спиртное вместе с сигарами было принесено, и его приняли, как было заранее оговорено. Слуга джентльмена не позволил официанту удовлетворить свое любопытство, взглянув на его больного хозяина. Даже если бы дверь была открыта и Джеймс был впущен в комнату, ему не удалось бы абсолютно ничего узнать. Он мог бы только увидеть, что хозяин Франка все еще лежит в постели, его лицо все равно было прикрыто покрывалом!

Мистер Свинтон предпринял такие странные меры на случай неожиданного вторжения постороннего; но причина этих мер не была известна даже его собственному камерди-

неру. Как только вошел «слуга» и дверь закрылась, Дик Свинтон сбросил покрывало и снова принялся вышагивать по ковру.

– Это был тот же самый официант? – спросил он. – Тот, который принес письмо?

– Это был он, Джеймс, ты его знаешь.

– Тем лучше. Откупорь бутылку, Фан! Я хотел бы выпить, чтобы успокоить свои нервы и заставить себя думать о чем-то хорошем!

Пока Фан раскручивала проволоку на пробке, он взял сигару, откусил кончик и закурил.

Он выпил бренди и соду одним залпом, через десять минут – еще одну треть и вскоре – все, что осталось.

Несколько раз он перечитывал письмо Розенвельда, каждый раз возвращая его в карман и скрывая текст письма от Фан.

Между чтением он садился на кровать, откидывался назад, с сигарой во рту, через некоторое время снова вставал и вышагивал по комнате с нетерпением человека, ожидающего важного события – словно сомневаясь, может ли оно произойти.

И таким образом провел мистер Свинтон целый день, долгих одиннадцать часов с момента получения письма, не покидая своей спальни!

Что заставило его повести себя таким странным и непонятным образом?

Он один знал причину. Он не раскрыл ее своей жене – так же, как и содержание недавно полученного письма, оставив ее теряться в догадках, и догадки эти были не слишком лестными для ее лорда и хозяина.

Шесть раз были заказаны бренди с содой, и приняты заказы были с такими же мерами предосторожности, как и в первый раз. В течение дня все эти напитки были выпиты, было выкурено очень много сигар. Съел Свинтон за весь день только тарелку супа и корку хлеба – это нормально в день похмелья после бурной ночи. Для мистера Свинтона похмелье закончилось вечером, в семь тридцать.

В семь тридцать произошло то, что неожиданно изменило его тактику – из странного и больного он превратился в нормального, почти трезвого человека!

Глава XV

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Тот, кто знаком с расположением «Океанхауза» и прилегающей к нему территории, знает, что извозчиный двор расположен в восточной части, а от него начинается широкая дорога, огибающая южную границу гостиницы.

По этой дороге в тот же вечер, именно в половине восьмого, на территорию гостиницы въехал экипаж. Судя по отсутствию у возницы ливреи и по его шляпе неизвестного фасона, экипаж был наемный, видимо, его заказали сюда к этому времени. Донесшийся с дальнего причала свисток парохода призывал пассажиров подняться на борт, и экипаж подвигался к гостиничной веранде, чтобы посадить в коляску торопящихся отплыть на этом судне. Вместо того чтобы обогнуть переднюю часть гостиницы, он остановился у южного ее крыла, где также была лестница и двойная входная дверь.

Две леди, которые стояли на балконе, видели, как экипаж остановился, но не придали этому значения. Они были заняты беседой, более интересной, чем вид пустого экипажа и даже чем обсуждение вопроса о том, кто собирается уехать на пароходе.

Этими леди были Джулия Гирдвуд и Корнелия Инскайп, а предметом их беседы была ссора, которая произошла между капитаном Майнардом и мистером Свинтоном, о которой целый день судачила вся гостиница и которая, конечно, стала известна и девушкам.

Корнелии было жаль, что все это случилось. Джулия, конечно, была согласна с тем, что история неприятная. Но, по правде говоря, она не сожалела. В глубине души Джулия чувствовала, что это она послужила предметом раздора и потому была рада. Ссора доказывала, что, как Джулия и предполагала, оба джентльмена были к ней равнодушны и поссорились из-за нее; в первую очередь ее волновало такое равнодушие Майнарда. При этом даже им она была увлечена не настолько, чтобы всерьез беспокоиться по поводу ссоры. Сердце Джулии Гирдвуд не завоеешь за час.

– Ты думаешь, между ними будет дуэль? – робко спросила Корнелия очень серьезно, с дрожью в голосе.

– Конечно, будет, – отвечала более смелая Джулия. – Они не смогут мирно разойтись, то есть мистер Свинтон не сможет.

– И, возможно, один из них убьет другого?

– Возможно даже, что они – каждый из них – убьют друг друга. Это от нас не зависит.

– О Джулия! Ты на самом деле думаешь, что не зависит?

– Я уверена, что нет. Что мы можем с этим поделать? Мне, конечно, их очень жаль, так же, как и других глупцов, которые позволяют себе выпивать слишком много. Я не сомневаюсь, что именно спиртное и довело их до ссоры.

Конечно, Джулия притворялась, все ее равнодушие к исходу поединка было притворно. Она не сильно беспокоилась, но и равнодушна не была. Джулию задело прохладное отношение к ней Майнарда после бала, и теперь она старалась быть к нему как можно равнодушнее.

– Интересно, кто уезжает в этом экипаже? – спросила она, заметив вынесенный из гостиницы и готовый к погрузке багаж.

Кузины, перегнувшись через балюстраду, посмотрели вниз. По надписи на выдавшем виды кожаном дорожном чемодане они узнали имя – «КАПИТАН МАЙНАРД». Ниже было выведено стандартное «U.S.A.».

Неужели это правда? Или они ошиблись? Надпись была поистершаяся, к тому же они видели ее на расстоянии. Конечно, они ошиблись.

Пока Джулия, оставшись на балконе, не сводила взгляда с чемодана, Корнелия побежала в комнату за лорнетом. Но пока она бегала за прибором, необходимость в нем отпала.

Мисс Гирдвуд, все еще пристально глядящая вниз, увидела, как капитан Майнард вышел из гостиницы, спустился по лестнице, подошел к экипажу и занял место внутри него.

С ним был еще один господин, но Джулия лишь мельком взглянула на него. Она не сводила глаз с экс-офицера мексиканской кампании, спасшего ее от смертельной опасности на берегу моря.

Куда он уезжал? Его багаж и гудок парохода были ответом на этот вопрос.

Но вот почему? На это было нелегко дать ответ. Может, он посмотрит вверх?

И он посмотрел – в тот момент, когда садился в экипаж.

Их глаза встретились, и их взгляды – наполовину нежные и влюбленные, наполовину укоризненные – выражали немой вопрос.

Однако для того, чтобы глаза отразили какие-то ответы, времени оказалось недостаточно. Экипаж, умчавшийся прочь, разлучил двух малознакомых людей, которые так странно встретились и почти так же странно расстались, – разлучил их, возможно, навсегда.

* * *

Был еще один человек, который с не меньшим, чем Джулия Гирдвуд, интересом отнесся к поспешному отъезду, однако он совсем не был огорчен этим. Более того, для него это было радостное событие, поскольку человек, о котором идет речь, – Свинтон.

Стоя на коленях у окна в своей комнате на четвертом этаже и глядя вниз через щелку под спущенными жалюзи, он видел подъехавший экипаж и с нетерпением дождался того момента, когда пассажиры займут в нем свои места. Он видел также двух девушек этажом ниже, но в тот момент не думал о них.

Этот отъезд был для него как извлечение занозы – избавление от длительной ноющей боли. Боль, мучившая его весь день, улетучилась, как только Майнард сел в экипаж и колеса застучали, увозя прочь тех, кто так мешал планам «лорда». Его нисколько не расстроил тот взгляд, которым Джулия Гирдвуд провожала Майнарда; вздохов ее Свинтон слушать и вовсе не стал.

Едва экипаж отъехал, он быстро поднялся на ноги, повернулся спиной к окну и позвал жену:

– Фан!

– Ну, что еще? – ответила «слуга».

– Касательно этого дела, с Майнардом. Настало время вызвать его на поединок. Я целый день думал, как мне выкроить время для этого.

Это была отговорка – не очень умелая, лихорадочная, неуклюжая попытка спасти свою репутацию в глазах жены.

– Ты уже подумал о секунданте? – равнодушно спросила она.

– Да, я подумал.

– И кто же это, скажи, пожалуйста?

– Один из тех двух парней, с которыми я познакомился вчера во время обеда. Я встретил их снова вчера вечером. Его имя – Луи Лукас.

Сказав это, он вручил жене визитную карточку.

– Что я должна делать с этим?

– Разузнай, в какой комнате он живет. Покажи карточку клерку, он скажет тебе. Это все, что мне нужно сейчас. Погоди! Ты можешь также разузнать, дома ли он?

Не говоря больше ни слова, она взяла карточку и ушла выполнять поручение. Она сделала это автоматически, без всяких эмоций.

Как только жена ушла, Свинтон придвинул стул к столу и, взяв лист бумаги, написал на нем что-то.

Закончив письмо, он поспешно сложил лист и засунул его в конверт, на котором написал:

«Мистеру Луи Лукасу».

К этому времени вернулся его посыльный и доложил о выполнении поручения. Мистер Лукас проживал в комнате номер девяносто, и он был дома.

— Так, номер девяносто. Это внизу, на втором этаже. Найди его, Фан, и передай ему вот это письмо. Вручи ему послание лично и дождись, чтобы он прочитал письмо. Либо он придет сам, либо напишет ответ. Если он вернется с тобой, ты останешься снаружи, пока он не выйдет отсюда.

И Фан во второй раз пошла исполнять роль посыльного.

— Я полагаю, что я выпутался из этой истории, — начал рассуждать Свинтон, как только жена ушла. — Мое положение теперь даже лучше, чем было раньше. Вместо того чтобы помешать, это дело, возможно, даст мне некоторые козыри. Какая счастливая случайность! Интересно, между прочим, куда это уехал Майнард в такой дьявольской спешке? Ха! Я думаю, что знаю, в чем дело. Это, должно быть, касается сообщений в нью-йоркских газетах. Это немецкие революционеры, изгнанные из Европы в сорок восьмом, собрали добровольцев и хотят вернуться туда. Ага, теперь я вспомнил имя человека, замешанного в этом деле. Да, так и есть, это Розенвельд! Это, должно быть, тот самый человек. А Майнард? Поедет вместе с ними, без сомнения. Он был ярым радикалом в Англии. Это его амплуа. Ха! Ха! Превосходно, ей-богу! Карты идут прямо мне в руки, похоже, удача повернулась ко мне лицом!

— Ну, Фан, ты отнесла послание?

— Да, отнесла.

— И каков ответ? Он придет?

— Да.

— Но когда же?

— Он сказал, что придет сию минуту. Я полагаю, это его шаги в коридоре.

— Тогда выйди. Быстрее, быстрее!

Без возражений его переодетая жена выполнила то, что ей было сказано, хотя и не без некоторой обиды — ей не нравилась та роль, которую она согласилась играть.

Глава XVI

БЕЗОПАСНЫЙ ВЫЗОВ

С момента отъезда экипажа до отсылки из комнаты камердинера мистер Свинтон поступал как человек, вполне владеющий собой. Крепкий напиток, распиваемый им в течение дня, очевидно, вернул его рассудок в нормальное состояние, и в ясном уме он написал мистеру Луи Лукасу записку с приглашением к себе для беседы. В послании он извинялся, что не может прийти сам, и оправдывался тем, что он «болен». Он мог писать уверенно, умело и хорошим стилем – Ричард Свинтон не был ни тупицей, ни невеждой. Однако же эту записку он нацарапал каракулями, сумбурно и сбивчиво – очевидно, желая произвести впечатление сильно выпившего. Видимо, чуть было не разоблаченный «лорд» что-то задумал. Подтверждало эту мысль и дальнейшее его поведение.

Свинтон услышал в коридоре шаги ожидаемого им посетителя. Казалось бы, бывший королевский гвардеец, привыкший к аккуратности и порядку, попытается привести себя в надлежащий вид перед приемом посетителя. Но он поступил совсем наоборот: пока мистер Лукас шел по коридору, Свинтон постарался привести себя в самый что ни на есть непрезентабельный вид.

Поспешно скинув фрак, который целый день болтался на плечах хозяина, «лорд» скомкал его, затем сбросил жилет и ослабил подтяжки, оставшись в рубашке с расстегнутыми манжетами, взлохмаченный, ожидать посетителя. Такой внешний вид мог иметь лишь человек, только что пробудившийся от крепкого сна после вчерашней попойки.

Это состояние – которое, пожалуй, еще утром было для него вполне естественным, – он искусственно поддерживал на протяжении всего времени, пока в комнате находился посетитель.

Мистер Лукас даже предположить не мог, что англичанин ведет подобную игру. Тем более, что у Лукаса были все основания верить: Свинтон чувствует себя «дьявольски погано». Последнее выражение употребил сам Лукас в ответ на приветствие Свинтона.

– Верно, черт возьми! Я полагаю, то же самое и у вас. Я чувствую себя отвратительно. Ай-ай-ай – я, должно быть, проспал целую неделю!

– Конечно, вы пропустили по крайней мере три обеда, а я – два. Я был в состоянии выбраться только на ужин.

– Ах, ужин! Скажите, он, как всегда, был поздно?

– Да, как обычно. Мы у себя называем это ужином, хотя я думаю, что в Англии это как раз время обеда, после восьми часов.

– В самом деле! Это плохо. Я припоминаю кое-что из того, что произошло вчера вечером. Вы были со мной вчера, не так ли?

– Конечно, я был с вами вчера. Я дал вам свою визитную карточку. – Да-да, я помню это. Товарищ оскорбил меня – этот мистер Майнард. Как я припоминаю, он ударил меня по лицу, не так ли?

– Да, это так, именно так он и сделал.

– Если я верно все помню, я обратился к вам с просьбой – не будете ли вы так любезны, чтобы быть моим секундантом?

– Совершенно верно, – ответил довольный Лукас, предвкушая, как он отомстит врагу, причем без всякого риска для себя. – Совершенно верно, и я готов выполнить вашу просьбу, как обещал.

– Благодарю вас, Лукас! Тысяча благодарностей! Но сейчас не время для разговоров. Черт возьми! Я слишком долго спал, но не забыл того, что вчера случилось. Что теперь мне

– ждать вызова или вы предпочли бы, чтобы я сам это сделал? Вы ведь видели все, что произошло, и знаете, как надо себя вести.

– Не составит никакого труда написать и послать вызов, – ответил собеседник, который привык всегда действовать в соответствии с «кодексом». – В нашем случае это довольно просто. Вы были серьезно оскорблены этим мистером, или капитаном, Майнардом, как там его зовут? Я слышал, что об этом говорят в гостинице. Вы должны вызвать его на поединок или заставить извиниться.

– Ах, без сомнения. Я сделаю это. Напишите вызов для меня, и я его подпишу.

– Кто может написать это лучше вас? Вызов должен быть написан вашей рукой. Я могу только предъявить его.

– Верно-верно! Черт бы побрал этот алкоголь! После него все, что ты ни делаешь, дается с большим трудом. Но в данном случае я сам должен написать.

И, сев за стол, твердой, совершенно не дрожащей рукой мистер Свинтон написал:

«Сэр – после недоразумения, произошедшего вчера вечером, я, джентльмен, честь которого Вы задели, требую от Вас удовлетворения. Меня устроит поединок или же Ваши извинения. Я оставляю Вам это на выбор. Мой друг мистер Луи Лукас будет дожидаться Вашего ответа.»

РИЧАРД СВИНТОН».

– Такое послание подойдет? – спросил экс-гвардеец, вручая лист своему секунданту.

– То, что надо! Коротко и ясно. Я предпочитаю не писать в конце «Ваш покорный слуга». Это звучит примирительно и, вполне вероятно, после этого он сможет извиниться. Где я смогу его найти, чтобы передать это? Если я не ошибаюсь, у вас имеется его визитная карточка? Наверное, там указан номер его комнаты?

– Верно-верно! У меня есть его визитка. Давайте посмотрим.

Подняв брошенное на пол пальто, Свинтон достал из кармана визитную карточку. Там не было номера комнаты, только имя.

– Ничего страшного, – сказал секундант, держа в руке прямоугольник картона. – Положитесь на меня, я найду его. Я вернусь с ответом от этого господина прежде, чем вы успеете выкурить сигару.

Дав такое обещание, мистер Лукас вышел из комнаты.

Мистер Свинтон сидел, курил сигару, и теперь, когда никто его не видел, перестал скрывать свои чувства. На лице его сияла саркастическая ухмылка, достойная Макиавелли.

Сигара была выкурена примерно наполовину, когда послышались шаги мистера Лукаса, спешащего назад по коридору.

На лице ворвавшегося в комнату секунданта было написано, что он принес с собой удивительные известия.

– Ну как? – спросил Свинтон довольно спокойно. – Что сказал наш приятель?

– Что он сказал? Ничего!

– Он обещал послать ответ через друга, я полагаю?

– Он не обещал мне ничего по одной простой причине: я не видел его!

– Не видели его?

– Нет, и вряд ли его увижу. Трус смылся.

– Смылся?

– Да! Уехал в Техас!

– Черт возьми! Мистер Лукас, я вас не понимаю!

– Что тут не понять? Ваш соперник покинул Ньюпорт. Уплыл вечерним пароходом.

– Вы воображаете, что говорите, мистер Лукас? – вскричал англичанин, притворно удивляясь. – Определенно, вы несете чушь.

– Ничего подобного, ручаюсь вам. Клерк сообщил мне, что ваш соперник оплатил счет за гостиницу и уехал на одном из гостиничных экипажей. Кроме того, я встретился с кучером, который отвез этого господина и только что вернулся. Он сказал мне, что подвез Майнарда и помог ему донести багаж до парохода. С ним был еще один человек, с виду иностранец. Можете убедиться сами, сэр, что он уехал.

– И он не оставил никакого сообщения или адреса, чтобы я смог его разыскать?

– Ничего, я ничего об этом не слышал.

– Черт побери!

А в это время тот, о ком они так возбужденно говорили, стоял на палубе парохода, стремительно рассекающего океанскую гладь, оставляя за собой пенный след. Капитан Майнард стоял на корме рядом с матросами и пристально глядел на огни Ньюпорта, постепенно тающие вдаль.

Он был сосредоточен на одном из этих огней, на том, который мерцал на самой вершине холма – Майнард знал, что это свет южных окон «Океанхауза». Он, конечно, не знал о том, что сейчас говорят о нем в этом улье, иначе он раскаялся бы в своем поспешном отъезде. О том деле, которое позвало его в дорогу, он тоже не думал. Он был грустен и полон сожалений. От этих сожалений его не могло отвлечь даже желание участвовать в священной борьбе за Свободу. Розенвельд, стоявший рядом, заметил тень на лице друга и без труда догадался о ее причине.

– Ну, Майнард, – сказал он шутливым тоном, – я надеюсь, ты не будешь винить меня в том, что я заставил тебя уехать? Я вижу, что ты кое-что оставил здесь!

– Кое-что оставил здесь? – удивленно переспросил Майнард, прекрасно понимая, о чем речь.

– Конечно, оставил! – шутливо продолжил граф. – Разве ты можешь, пробыв в каком-то месте целых шесть дней, не оставить после себя возлюбленную? Ты известный повеса!

– Ты все неправильно понял, граф. Уверяю тебя, нет у меня там никого...

– Ну ладно, ладно! – прервал его революционер. – Если даже у тебя была возлюбленная, пусть она останется воспоминанием. Теперь твоей возлюбленной будет сабля. Думай об этом роскошном будущем. В тот момент, когда твоя нога ступит на европейскую землю, ты примешь командование армией студентов! Так решил комитет. Прекрасные товарищи, эти немецкие студенты, ручаюсь тебе: истинные сыновья Свободы – в духе Шиллера, так сказать. Они пойдут на все, лишь бы победить деспотизм. Мне жаль только, что не я буду командовать такими ребятами.

Слушая эти проникновенные слова, Майнард постепенно стал забывать Ньюпорт и Джулию Гирдвуд.

– Наверное, все это к лучшему, – рассуждал он, пристально глядя на след, оставляемый пароходом на водной глади. – Даже если бы я смог ее завоевать, что весьма сомнительно, она не подошла бы мне в жены; это совсем не то, что мне сейчас надо. Конечно, я ее больше не увижу. Но не свет же на ней клином сошелся, как говорится. Настоящее счастье ждет меня впереди, и оно дороже тех бриллиантов, которые так ценятся здесь!

Глава XVII

«ТРУС!»

Пароход, на котором плыли капитан Майнард и его друг, еще не обогнул мыс Джудит, чтобы выйти из Наррагансетта, а имя нашего героя уже было у всех на устах, и говорили о нем с презрением. То, как он публично оскорбил чужестранца-англичанина, видели несколько джентльменов, и слух быстро разнесся по всему отелю. Конечно, все ожидали вызова и поединка со стрельбой из пистолетов. Другого исхода никто не мог себе представить. Поэтому известие о том, что обидчик ускользнул, было воспринято с удивлением, и этому сразу нашлось объяснение, отнюдь не лестное для Майнарда.

Известие было неприятно многим. Майнарда почти никто не знал, однако газеты писали о нем в связи с Мексиканской войной. Из этого следовало, что он служил в американской армии. Его соперник (о чем все тоже быстро узнали) – служил в английской, и эта неприятная история задевала национальные чувства сограждан капитана.

– В конце концов, – говорили некоторые, – Майнард не американец!

То, что он трус, можно было оспорить тем, что он целый день оставался в гостинице, дожидаясь дуэли, но противник послал свой вызов после того, как Майнард уехал. Свинтон не замедлил оправдать свою задержку – демонстрируя стыд, он все же пояснил, что был накануне пьян и весь день мучился похмельем.

Поскольку о письме Розенвельда, казалось, никто не знал, приговор общества был таков: герой С... – как называли его в свое время газеты – опозорил свое имя, удрав с поля боя.

В то же время не все объясняли его поспешный отъезд трусостью, были те, кто верил в Майнарда и подозревал, что у него могла быть другая причина для отъезда, правда, никто не знал этой причины.

Ситуация была весьма странна: если бы Майнард покинул Ньюпорт не вечером, а утром, его доброе имя пострадало бы гораздо сильнее. Пребывание в гостинице до вечера могло рассматриваться как ожидание вызова, и это защищало его от окончательной дискредитации. Тем не менее он оставил Свинтону поле боя, и тому удалось стать здесь почти героем.

Лорд инкогнито наслаждался победой тихо. Он боялся, что Майнард вернется или случайно встретится с ним в каком-либо другом месте – и на всякий случай не кричал о своем торжестве громко. На расспросы он отвечал, притворяясь смущенным:

– Я оказался в неловком положении! Он уехал, когда я спал, и я не знаю, как к этому относиться. Неловкая ситуация.

История эта, как всегда бывает с подобными историями, быстро распространилась среди постояльцев гостиницы, и, конечно, она достигла ушей семейства Гирдвуд. Джулия была среди первых, кто узнал обо всем – она ведь стала невольным свидетелем отъезда Майнарда. Госпожа Гирдвуд была очень рада услышать, что Майнард уехал, и ее мало интересовали причины такого поспешного отъезда. Ей было вполне достаточно того, что он более не будет ухаживать за ее дочерью.

Но мысли дочери были совершенно иными. Только теперь, когда герой стал недоступен, ей по-настоящему захотелось обладать им. Орел спустился к ней с небес, чтобы позволить погладить себя, но когда она отдернула руку – улетел. Гордая птица была оскорблена и взмыла высоко в небо, чтобы никогда не возвращаться!

Она слушала разговоры о трусости Майнарда, но не верила им. Джулия знала, что для такого поспешного отъезда у него должна была быть веская причина, и относилась к подоб-

ной клевете с презрением. Вместе с тем Джулия не могла сдержать некоторой обиды на Майнарда, гнев мучил ее. Уйти, даже не поговорив с ней, не дав никакого ответа на унижительное признание, которое она сделала при выходе из танцевального зала! Она, можно сказать, встала перед ним на колени – и ни слова в ответ! Совершенно ясно: он равнодушен к ней!

Подступала ночь, Джулия вышла на балкон и, опершись о перила, посмотрела на залив. Было тихо, вокруг ни души, только уходящий вдаль пароход излучал слабое мерцание. Его огни еще какое-то время двигались по фиолетовой водной глади, но вскоре исчезли за зубчатыми стенами форта.

– Уехал! – прошептала она, глубоко вздохнув. – Возможно, я больше не встречу его никогда. О, я должна постараться забыть его!

Глава XVIII

ДОЛОЙ ДЕСПОТОВ!

В Нью-Йорк прибыл пароход из Европы, который вскоре должен был отплыть обратно. В то время пароходы компании «Канард» ходили в Европу только один раз в две недели; это потом рейсы стали еженедельными.

Любой, кто пересекал Атлантику пароходом «Канард», знает, что в Нью-Йорке место их прибытия и отправления находится у берега Джерси.

В те дни каждое отплытие парохода было «сенсацией», и толпа, заведя этого левиафана³⁴, имела обыкновение собираться у причала, где бросал якорь «Канард». Бывало, толпу привлекал не только сам вид парохода, для смотра могли быть и дополнительные поводы: например, наличие на борту знаменитостей – принца, героя, певца или известной куртизанки. Простой народ, не делая различий между ними, удостаивал вниманием всех; прибытие любой знаменитости вызывало одинаковое любопытство.

³⁴ Левиафан – огромное морское чудовище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.